

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ МИРА

ТОМ 3

В ПЯТИ
ТОМАХ

АНГЛИЯ: КОЛОНИАЛЬНЫЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ.

ГЕРМАНИЯ: ЮНКЕРСКИЙ
КАПИТАЛИЗМ.

ФРАНЦИЯ: РОСТОВЩИЧЕСКИЙ
ИМПЕРИАЛИЗМ.

ОСОБЕННОСТИ ИМПЕРИАЛИЗМА
США И ЯПОНИИ.

РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ.

БОРЬБА ВЕДУЩИХ ЭКОНОМИК МИРА

ЗА РЫНКИ СБЫТА НАКАНУНЕ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А Л Е Т Е Й Я

Коллектив авторов

Экономическая история мира.
Том 3. Англия: колониальный
империализм. Германия:
юнкерский капитализм.
Франция: ростовщический
империализм. Особенности
империализма США и Японии.
Развитие капитализма в России
Серия «Экономическая история
мира в 5 томах», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36250597

Экономическая история мира: в 5 т. Т. 3. Англия: колониальный империализм. Германия: юнкерский капитализм. Франция: ростовщический империализм. Особенности империализма США и Японии. Развитие капитализма в России: Алетейя; Санкт-Петербург; 2018

ISBN 978-5-907030-04-6

Аннотация

Издание впервые объединяет историю развития мирового хозяйства и историю экономической мысли, включая философские концепции классиков экономической науки и экономические взгляды знаменитых философов. Будет незаменимо при подготовке к экзаменам кандидатского минимума по истории и философии экономики.

Содержание

1. Карл Маркс – великий мыслитель и пророк	10
1.1. Жизненный путь ученого	14
1.2. Эта загадочная, неуловимая стоимость	25
1.3. Теория капитала: классовый подход к анатомии рыночной системы экономики	34
2. Англия. «Колониальный» империализм	46
2.1. Британская империя	46
2.2. Потеря промышленного лидерства	51
2.3. Фритредерство и протекционизм	59
2.4. Социальные реформы	62
2.5. Военная экономика Великобритании	66
3. Германия. Юнкерский буржуазный империализм	71
3.1. Юнкера и буржуазия	71
3.2. Успехи промышленности. Монополии. Социалисты	74
3.3. Сельское хозяйство. «Сплочение» юнкеров и буржуазии	80
3.4. Колониальные захваты	83
3.5. Подготовка к войне	87
3.6. Военная экономика	89
4. Франция. Ростовщический империализм	93
4.1. Отставание промышленности	93

4.2. Парцеллярное крестьянство	97
4.3. Банки и экспорт капитала	99
4.4. Колонии	102
4.5. Монархисты, республиканцы, социалисты	105
4.6. Франция в мировой войне	109
5. Особенности империализма США	111
6. Особенности империализма Японии	119
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Экономическая история мира: в 5 т. Т. 3.

**Англия: колониальный
империализм. Германия:
юнкерский капитализм.
Франция: ростовщический
империализм. Особенности
империализма США
и Японии. Развитие
капитализма в России**
**Под общей редакцией
заслуженного деятеля
науки Российской
Федерации, доктора**

Редакционный совет:

М.В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (председатель),

О.Т. Богомолов, акад. РАН,

Ю.Ф. Воробьев, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Б.В. Гусев, член-корр. РАН, засл. деят. науки РФ,

В.Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., профессор (зам председателя),

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф.,

В.А. Мартынов, акад. РАН

П.П. Пилипенко, д.э.н., проф.,

М.А. Сокольников (ответственный секретарь),

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ,

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (зам. председателя),

В.П. Федоров, член-кор. РАН,

Н.П. Шмелев, акад. РАН

3-е издание, дополненное и доработанное

Авторский коллектив:

И. И. Агапова, к.э.н., проф. (10)

А. В. Аникин, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (15, 19)

В. Г. Егоров, д.и.н., д.э.н., проф. (14, 17, 20, 21)

М. В. Конотопов, д.э.н., проф., засл. деят. науки РФ (2, 3, 4, 5, 6, 7, 11, 12, 16, 22, 23, 24, 25, 26)

Б.Е. Ланин, д.э.н., проф. (1)

Н.А. Лебедев, д.э.н., проф. (13)

С.И. Сметанин, д.и.н., проф., засл. деят. науки РФ (2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, 16, 22, 23, 24, 25, 26)

Ю.А. Сулимов, к.э.н., доц. (18)

1. Карл Маркс – великий мыслитель и пророк

Для наиболее передовых в экономическом отношении европейских стран XIX век стал временем прогресса промышленного капитализма. На историческую арену выходит рабочий класс, что порождает новые теоретические идеи в области не только рыночной организации хозяйства, но и социальной структуры общества, их дальнейшей эволюции и перспектив. Классическая политэкономия, выделив материальное производство в качестве решающей сферы создания и приумножения богатства народов и возвеличив человеческий труд как его ключевой фактор, все еще продолжала оставаться реальным фундаментом достаточно различных течений и школ, пытающихся оценить экономическую среду обитания людей и проникнуть в тайны рыночного обмена.

В Европе это время было отмечено появлением такой крупной фигуры в общественной науке, как выдающийся немецкий ученый Карл Маркс – создатель всеобъемлющей экономической теории капитализма, оказавшей (без какого бы то ни было преувеличения) воздействие на последующее развитие ряда стран и, особенно, России.

Ближайшие сподвижники К. Маркса (и прежде всего его друг и соратник Фридрих Энгельс) называли написанный им

главный труд, «Капитал», «политической экономией пролетариата», «библией рабочего класса», ибо в этом энциклопедическом сочинении капитализм, а равно и вся рыночная система экономики объявлялись лишь исторически преходящим общественным строем, на смену которому должны закономерно прийти социализм и коммунизм. Экономическое учение К. Маркса, опирающееся на ряд постулатов классической теории (и прежде всего – на трудовую теорию стоимости), было провозглашено его сторонниками подлинно научным и единственно верным, тогда как все прочие попытки объяснения капитализма в теоретическом плане считались псевдонаучными (буржуазными, вульгарными или ревизионистскими). Широкую известность уже в XX в. приобрело афористичное высказывание В. И. Ленина: «Учение К. Маркса всесильно, потому что оно верно».

Однако в настоящее время, когда почти все (за редчайшим исключением) страны, строившие еще в недавнем прошлом «светлое коммунистическое будущее», на практике перешли к формированию рыночных механизмов хозяйствования, требуется существенная корректировка основных концепций К. Маркса, разработанных во второй половине XIX в. И речь здесь, разумеется, должна идти не об исторической устарелости «основоположника научного коммунизма, учителя и вождя международного пролетариата и трудящихся всего мира» (ведь именно так громогласно характеризовался К. Маркс в советской литературе), хотя, ко-

нечно, любая экономическая теория всегда выступает продуктом определенного времени и вряд ли вправе претендовать на открытие абсолютных и вечных истин.

Между тем, даже при очевидной невозможности признания сегодня за всеми идеями К. Маркса единственно верного объяснения закономерностей развития капитализма и рынка необходимо подчеркнуть, что он прочно занял свое особое место в истории мировой экономической мысли, что его имя и труды не должны быть преданы забвению.

Известный американский профессор, лауреат Нобелевской премии по экономике В. В. Леонтьев уверенно заявляет: «Значение Маркса для современной экономической теории заключается в том, что его работы – это неистощимый источник прямых, непосредственных наблюдений действительности». Еще больший интерес представляют рассуждения одного из ведущих историков экономической науки, английского профессора М. Блауга, содержащиеся в его фундаментальном труде «Экономическая мысль в ретроспективе»: «В своей ипостаси экономиста Маркс продолжает жить и все еще актуален... Он подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, но он сопротивляется всякий раз, когда его пытаются отослать в интеллектуальное прошлое. Хорошо это или плохо, но его идеи стали составной частью того мира представлений, в рамках которого мы все мыслим. Сейчас никто не ратует за А. Смита или Д. Рикардо, но по-прежнему поднимается кро-

вяное давление, как только Маркс становится предметом исследования... Что бы ни думали о конечной обоснованности марксизма, надо иметь довольно слабые умственные способности, чтобы не увлечься героической попыткой Маркса дать обобщенное и систематизированное толкование «законов движения» капитализма».

А в предисловии к многократно переизданному учебнику по современной экономической теории американские профессора П. Самуэльсон (тоже лауреат Нобелевской премии) и У. Нордхаус без каких-либо сомнений относят К. Маркса к числу «интеллектуальных гигантов», возвышающихся на многовековом пути развития экономической науки.

Однако до выяснения основных положений экономической теории К. Маркса уместно совершить хотя бы небольшой экскурс в его биографию.

1.1. Жизненный путь ученого

К Маркс родился 5 мая 1818 г. в старинном городке Трире, одном из окружных центров Рейнской провинции, которая относилась тогда к экономически наиболее развитой части Германии. Его отец Генрих Маркс был широко образованным человеком, занимавшим должность адвоката при высшем апелляционном суде. Взгляды юного К. Маркса формировались под сильным влиянием либеральных идей эпохи Просвещения: немецких философов Г. Лейбница и Г. Лессинга, английского Дж. Локка и французских Ж.-Ж. Руссо и Вольтера, а также других прогрессивных мыслителей, чьи книги находились в домашней библиотеке Г. Маркса. Позднее К. Маркс напишет об отце, что он «выделялся как своей личной безупречностью, так и своими юридическими талантами». До конца жизни К. Маркс сохранил глубокое уважение к памяти отца, фотографию которого завещал похоронить вместе с собой.

Получив хорошее воспитание в дружной многодетной семье (у Карла было три брата и пять сестер), Маркс в 1835 г. окончил трирскую королевскую гимназию. В его выпускном сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» была высказана одна немаловажная мысль: «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но

никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком».

После гимназии К. Маркс изучает юриспруденцию в Боннском и Берлинском университетах, но начинает серьезно увлекаться философией (особенно диалектической логикой великого немецкого ученого Гегеля) и завершает свое высшее образование написанием диссертации на звание доктора философии, посвященной мыслителям-материалистам Древней Греции Демокриту и Эпикуру. Уже на этом этапе он превращается в убежденного атеиста и решительно выступает против подчинения философии религиозным интересам. Упрочению атеистических и материалистических взглядов К. Маркса способствует и его большой интерес к известному немецкому философу Л. Фейербаху, выпустившему в 1841 г. свой знаменитый труд «Сущность христианства».

С 1842 г. начинается активная литературно-публицистическая деятельность К. Маркса. Сначала она развернулась в Кельне в большой ежедневной «Рейнской газете», где он работал ее сотрудником и редактором, а затем, после запрещения этой оппозиционной газеты за острые выпады против монархии, за подрыв доверия к государственной власти (К. Маркс, например, сравнивал прусское государство с «судном, полным глупцов», плывущем навстречу своей неминуемой гибели), в Париже в новом журнале «Немецко-французский ежегодник».

Знаменательным для всей последующей личной (но одно-

временно и творческой) жизни К. Маркса стал май 1843 г., когда он вступил в брак (это произошло в маленьком городке Крейцнахе) с давно и горячо любимой им подругой детства Женни фон Вестфален, дочерью тайного правительственного советника, представителя аристократического рода, чей старший сын займет в будущем должность прусского министра. Прекрасно образованная, обаятельная Женни, считавшаяся многими первой красавицей Трира и «царицей балов», отдала без колебаний свою руку и сердце молодому человеку, которого ожидала впереди трудная судьба революционного мыслителя. И в дальнейшем, пройдя вместе с ним этот нелегкий жизненный путь (она скончалась в 1881 г., за год с небольшим до его смерти), Женни всегда оставалась верным другом и помощником К. Маркса, первой слушательницей его многочисленных сочинений, заботливой супругой и матерью четверых детей (трех дочерей и рано умершего сына). Дочь Элеонора напишет позднее трогательные воспоминания о родителях, относящиеся ко времени ухода из жизни ее матери: «Никогда не забуду я то утро, когда отец почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели, – это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом».

Другим знаменательным событием в жизни К. Маркса оказалось его знакомство с Фридрихом Энгельсом, кото-

рое можно отнести к зиме 1844 г., когда в первом выпуске «Немецко-французского ежегодника» вместе с публикациями самого К. Маркса увидели свет талантливые статьи молодого Ф. Энгельса – «Наброски к критике политической экономии» и «Положение Англии». Это было начало поистине великой дружбы двух ученых, отдавших свои недюжинные творческие способности теоретическому обоснованию революционного переустройства мира.

Практически невозможно кратко описать все этапы жизненного пути и идейных исканий К. Маркса, да в этом и нет особой необходимости, так как за последнее столетие ему было посвящено огромное число исследований. Правда, нельзя не отметить, что в работах многих советских авторов нередко содержалось (разумеется, наряду с многочисленными объективными оценками) достаточно тенденциозное рассмотрение взглядов К. Маркса, во-первых, с сугубо классовых позиций и, во-вторых, с целью безапелляционного доказательства реального осуществления и воплощения именно в нашей стране после 1917 г. всех его заветов, касающихся общества будущего. В поэтически сжатой форме эти мысли некогда образно выразил В. Маяковский:

знаю,

Марксу

виделось

видение Кремля

и коммуны флаг

над красною Москвой.

Подобные «видения» вряд ли стоило приписывать К. Марксу, который, действительно, предсказав необходимость грядущей диктатуры пролетариата и коммунизма с распределением благ «по потребностям», в то же время в последние годы жизни, наблюдая оживление ряда левых радикальных течений, высказывал серьезные опасения, связанные с возможностями построения не столько научного, сколько «казарменного социализма», и отказывался, выражаясь опять-таки его собственными словами, выписывать «рецепты для харчевни будущего».

Отмечая основные вехи в биографии мыслителя, важно особо выделить 1848 г., когда увидел свет знаменитый «Манифест Коммунистической партии» (программа Союза коммунистов). Этому произведению, написанному К. Марксом вместе с Ф. Энгельсом в яркой публицистической форме, предшествовал ряд работ самого К. Маркса, где уже излагались ключевые социально-экономические проблемы развития капитализма (к ним следует в первую очередь отнести «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Нищету философии»). Что же касается «Манифеста», то именно здесь с предельной четкостью были изложены идеи о создании объективных предпосылок предстоящей гибели капитализма, о рабочем классе как могильщике исторически обреченного строя, о коммунистической революции, кото-

рая должна навсегда покончить с эксплуатацией наемного труда, со всеми видами социального порабощения и паразитического существования одних людей за счет других, с национальным гнетом и кровавыми войнами. «Манифест» заканчивался словами: «Пусть господствующие классы содрогаются перед Коммунистической Революцией. Пролетариям нечего в ней терять, кроме своих цепей. Приобретут же они весь мир. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

В дальнейшем этот документ убежденные сторонники марксизма восторженно назовут «решающим шагом в превращении социализма из утопии в науку». Однако сегодня, с учетом накопленного за полтора столетия богатейшего исторического опыта, возникают вполне определенные сомнения в реальном факте такого превращения. Иными словами, здесь уместно поставить вопрос: а стал ли провозглашенный в «Манифесте» социализм подлинной наукой, не сохранил ли он в себе очевидные элементы утопизма (пусть и существенно обновленного), элементы по-настоящему красивой и благородной мечты о грядущем идеальном состоянии общественного устройства?

Чтобы ответить на этот вопрос, как раз и следует сказать, что развернутое обоснование исторического крушения капитализма содержится в таких написанных уже после 1848 г. экономических произведениях К. Маркса, как «Наемный труд и капитал» (1849 г.), рукопись «Введение» (1857 г.), «К критике политической экономии» (1859 г.) и, наконец, глав-

ный труд – «Капитал», первый том которого увидел свет в 1867 г.

Что же касается обстоятельств личной жизни К. Маркса, то в конце августа 1849 г., после поражения буржуазно-демократической революции в Европе, его выслали за революционную деятельность из Парижа, и он переехал в Лондон, где и работал, не считая некоторых непродолжительных выездов, до своей смерти в 1883 г. Именно там, в политической эмиграции, К. Маркс в течение трех десятилетий создает фундаментальную экономическую теорию, которую он так и не успел полностью завершить во всех задуманных им аспектах. Последующие тома «Капитала» были опубликованы уже после его ухода из жизни: II (1885 г.) и III (1894 г.) подготовил к печати и издал под своей редакцией Ф. Энгельс, а IV (1904–1910 гг.) впервые вышел под редакцией К. Каутского.

И здесь хотелось бы обратить внимание еще на одну небезынтересную «деталь». Несмотря на всю ясность изложенных в «Манифесте» идей, из чего подавляющее большинство друзей и соратников К. Маркса делали вывод о необходимости перехода к непосредственной борьбе за победу социализма в Европе, за победу пролетариата, сам создатель этих четко «прописанных» путей революционного обновления мира целиком и полностью погружается в дальнейшее исследование экономических проблем капитализма, в многолетнюю титаническую работу по написанию «Капи-

тала», сочинения сугубо теоретического и, как известно, достаточно сложного для чтения. Случайно или нет, но после появления Ггома «Капитала» в «ближайшем круге» ученого возникло определенное недоумение, выразившееся нередко в простом вопросе: а для чего все это было нужно (к числу усомнившихся в важности подобного труда относился, например, даже Вильгельм Либкнехт). Огорченный подобным непониманием К. Маркс откровенно делился своей обидой в письмах, адресованных Ф. Энгельсу. Хотя совершенно очевидно, что именно «Капитал» (а отнюдь не «Манифест Коммунистической партии») определил в конечном счете важное место К. Маркса в истории мировой экономической мысли.

К. Маркс скончался 14 марта 1883 г. и был похоронен в Лондоне на Хайгетском кладбище. В траурном обращении русских социалистов, написанном П. Л. Лавровым, говорилось: «Смерть Карла Маркса пробудит скорбь у всех, сумевших понять его мысли и оценить его влияние на нашу эпоху». Ф. Энгельс, выступая на могиле друга, произнес проникновенные слова: «Правительства – и самодержавные и республиканские – высылали его, буржуа – и консервативные и ультрадемократические – наперебой осыпали его клеветой и проклятиями. Он сметал все это, как паутину, со своего пути, не уделяя этому внимания, отвечая лишь при крайней необходимости. И он умер, почитаемый, любимый, оплакиваемый миллионами революционных соратников во

всей Европе и Америке, от сибирских рудников до Калифорнии, и я смело могу сказать: у него могло быть много противников, но вряд ли был хоть один личный враг».

Тем не менее, пытаясь охарактеризовать сложную личность К. Маркса, вся жизнь которого, несомненно, прошла в постоянной борьбе, в подорвавшей его здоровье напряженной теоретической работе, не всегда уместно предаваться лишь благостному почитанию и умилению. Да, он стал великим человеком, о чем мечтал еще в юности. Известный русский историк экономической мысли В.В. Святловский в своем большом труде «Очерки по истории политической экономии», изданном в 1910 г., отдает К. Марксу дань искреннего уважения. «В литературных произведениях Маркса, – пишет он, – особенно поражает его изумительная эрудиция не только в сфере экономических наук, но и в других областях. Он знал русский язык и был знаком с русской литературой, читал Пушкина, Гоголя и Щедрина. Мысли Маркса отличались трезвостью, силою анализа». Однако, опираясь на многочисленные воспоминания людей, близко знавших К. Маркса, автор обращает внимание и на негативные черты его характера: «В его отношениях ко многим людям слышалось неудержимое презрение, сарказм его был поистине беспощаден... Вражда, ненависть к угнетателям как бы заменяла в его душе любовь к угнетенным... Прудон, Бакунин, Бланки, Герцен подвергались его нападкам не только за свои воззрения, но и за свои личные качества, делавшие их совершенно чужды-

ми Марксу. Особенно тяжелой для многих была та черта его характера, которая заставляла подозревать в нем человека с деспотическими наклонностями».

Другой крупный русский ученый, профессор М. И. Туган-Барановский в книге «Очерки из новейшей истории политической экономии» (1903 г.) делает набросок портрета К. Маркса хотя и иными, но в чем-то похожими по своему смыслу словами: «В лице Маркса мы имеем перед собой удивительно цельную, законченную фигуру, как бы вылитую из бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоуверенное, но в то же время угловатое, жесткое, резкое сквозит во всякой черте его характерного нравственного облика. Видно, что перед вами человек, привыкший царить над умами людей и не допускающий ни минуты сомнения в своем праве на это. Его умственное руководство превращалось в железную диктатуру, которой должен был подчиняться каждый, поддерживавший с ним духовное общение».

И, наконец, завершая описание личности К. Маркса, можно вспомнить его ответы в так называемой «Исповеди», записанной в семейном альбоме. На вопрос: «Ваша отличительная черта» он ответит: «Единство цели», «Ваше представление о счастье» – «Борьба», «Ваш любимый цвет» – «Красный», «Ваше любимое изречение» – «Ничто человеческое мне не чуждо» и «Ваш любимый девиз» – «Все подвергай сомнению».

К. Маркс целеустремленно подверг сомнению и отверг

многое и многих в политической экономии, существовавшей до него и при нем. Не столь удивительно, что и последующая экономическая теория, опирающаяся не только на «символы веры», но и на конкретную эволюцию социально-экономических процессов, позволила себе усомниться в ряде его ключевых концепций и футурологических предвидений.

По причине очевидной невозможности охвата в рамках краткого очерка огромного числа разработанных К. Марксом теоретических положений остановимся на выяснении лишь некоторых наиболее существенных экономических идей, содержащихся в главном труде ученого – «Капитал».

1.2. Эта загадочная, неуловимая стоимость

Капитал» К. Маркса имеет важный смысловой подзаголовок – «Критика политической экономии». Здесь действительно представлена развернутая критика буржуазной политической экономии, которая, получив название «классической», дала некогда теоретическое обоснование становления и закономерностей развития рыночной (капиталистической) системы хозяйства. К. Маркс с классовых позиций осуществил принципиальную переоценку научного характера этой экономической теории, о чем прямо и написал в послесловии ко второму изданию первого тома «Капитала»: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях». При этом нельзя не видеть, что порой критика отдельных представителей классической политэкономии была не просто резкой, но и откровенно уничижительной. Так, по поводу взглядов английского экономиста Джона Стюарта Милля он саркастически заметил: «На плоской равнине всякая кочка кажется

холмом; плоскость современной буржуазной мысли лучше всего измеряется калибром ее «великих мыслителей».

В «Капитале» содержится анатомия классического капитализма, который представлял собой лишь исторически первую форму существования рыночной системы экономики, тогда как сама эта система (вопреки утверждениям К. Маркса) оказалась в будущем достаточно жизнеспособной, т. е. способной не просто к выживанию, но и к значительно-му прогрессу (особенно во второй половине XX в.) с помощью собственной трансформации. Таким образом, если капитализм, детально проанализированный в «Капитале», действительно доказал свой исторически преходящий характер (и здесь К. Маркс был, конечно, прав), то этого нельзя сказать о рыночной системе экономики в целом. Все ее дальнейшее, хотя и противоречивое развитие продолжает и сегодня оставаться объектом изучения экономической науки, оригинальный вклад в которую, бесспорно, внес К. Маркс.

Хорошо известно, что в откровенно пропагандистском варианте марксизма капитализм многократно характеризовался в качестве одряхлевшего, умирающего строя, разъедаемого постоянно углубляющимися и неразрешимыми противоречиями, строя, породившего в лице пролетариата собственного могильщика и обреченного на неминуемую гибель. Уместно, например, вспомнить, как в советской литературной критике, казалось бы далекой от политэкономических проблем, образ Егора Булычева из талантливой пье-

сы М. Горького примитивно трактовался как символический образ капиталиста, пораженного прогрессирующей неизлечимой болезнью и умирающего от нее на фоне растущего рабочего движения.

В отличие от подобных упрощений К. Маркс в ходе изучения капитализма выступил отнюдь не в роли патологоанатома, исследующего приготовленный к захоронению «труп». Экономические формы не в статике, а в динамике, законы развития, т. е. постоянного движения от одних состояний к другим, с опорой на диалектическую логику – вот что прежде всего интересовало К. Маркса как ученого. Поэтому он и начинает свой фундаментальный анализ капитализма с точки зрения его генетического происхождения, с анализа товарного производства и товара, который он образно сравнил с «экономической клеточкой» буржуазного общества. «Предметом моего исследования. – напишет К. Маркс в предисловии к первому тому «Капитала», – является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена».

При изучении капиталистических, т. е. рыночных, отношений как раз и следовало проникнуть в тайну рыночного обмена. В чем же заключалось раскрытие этой тайны, предложенное К. Марксом?

Не отрицая, что политэкономия продолжает оставаться наукой о богатстве, он уже в самом начале первой главы «Капитала», имеющей название «Товар», определит богатство

обществ в условиях рыночной экономики в качестве «огромного скопления товаров», а отдельный товар как «элементарную форму этого богатства».

Однако нельзя не заметить, что ведь и в современной теории рыночной экономики именно товарная форма всех произведенных продуктов (и вещей, и услуг) остается той «клеточкой», из которой вырастает многоклеточная экономическая организация общества.

Поскольку же рынок есть в своей первооснове процесс обмена, для которого собственно и производятся товары, постольку здесь и требует решения проблема стоимости самого товара.

Отправным пунктом экономической теории К. Маркса выступает трудовая теория стоимости, уходящая своими корнями в классическую политэкономию.

К. Маркс обосновал понятие стоимости в качестве воплощенного в товаре (овеществленного, или, точнее, – объективированного) человеческого труда, который является ее субстанцией.

Существовавшая со времен французского экономиста Ж. Б. Сея многофакторная модель производства, объединяющая три фактора – труд, землю и капитал, была отвергнута К. Марксом как ненаучная (отсюда и Сей, по его классификации, оказался исключенным из классиков и попал в число вульгарных экономистов). В отличие от нее производительные силы общества (а именно этим термином К. Маркс

предпочел заменить понятие факторов производства) включали в себя, с одной стороны, живой труд (т. е. трудящихся людей), а с другой – средства производства, являющиеся накопленным, или «мертвым», трудом, т. е. капиталом, находящимся в частной собственности капиталистов. Таким образом, все было сведено исключительно к трудовому фактору как единственному созидателю материального богатства.

Два ключевых свойства любого товара (во-первых, способность удовлетворять человеческие потребности, т. е. потребительная стоимость, и, во-вторых, способность обмениваться на другие товары или деньги в определенных пропорциях, т. е. меновая стоимость) К. Маркс впервые в экономической науке выводил из двойственного характера самого труда, который выступает одновременно в конкретной и абстрактной формах (именно эту двойственность труда, наряду с теорией прибавочной стоимости, Ф. Энгельс отнес к одному из наиболее значимых открытий К. Маркса). В результате получалось, что человеческий труд в своей конкретной форме наделяет товар потребительной стоимостью, или полезностью, а в своей абстрактной форме (как общее расходование рабочей силы вне ее конкретных, специализированных проявлений) создает стоимость, представляющую собой объективную основу меновой стоимости.

Общий же вывод заключался в том, что товары должны обмениваться на рынке в соответствии с их стоимостью, цена товара становится денежной формой этой внутренней (тру-

довой) стоимости, а стоимость измеряется продолжительностью труда, его временем (правда, не индивидуальным, а так называемым «общественно необходимым»).

Описанная теоретическая модель стоимости в своем абстрактно-логическом виде выглядела достаточно презентативно.

Однако ее применение на практике, т. е. непосредственно в условиях рыночного ценообразования, сталкивалось с большими трудностями. Дело в том, что стоимость как таковая могла реально обнаружиться лишь в процессе обмена (кстати, К. Маркс обратил на это серьезное внимание), т. е. там, где она «срачивается» с формой определенной цены.

Многие экономисты считали в то время основой рыночной цены издержки производства, хотя и не сводили их исключительно к затратам труда, включая сюда расходы, связанные с использованием других факторов производства. Что же касается самой стоимости, то они нередко воспринимали ее в качестве какой-то «мистической» величины. Такое восприятие резко усилилось после выхода в свет третьего тома «Капитала», где у К. Маркса появилась категория «цена производства», складывающаяся из суммы издержек производства и «средней прибыли». Несмотря на то, что выравнивание различных норм прибыли в среднюю есть практически (или даже совсем) недоказуемая гипотеза, здесь важно обратить особое внимание на тот факт, что «цена производства» трактовалась в качестве «превращенной» формы опять-та-

ки самой стоимости. С помощью условных цифровых показателей доказывалось количественное равенство суммы всех стоимостей, с одной стороны, и суммы цен – с другой. Но размещение подобным образом стоимости и цены на разных чашах весов означало неосуществимую, по сути, попытку отделения танцора от танца во время его выступления на сцене.

На самом же деле полный набор доказательств, используемых К. Марксом в его теории стоимости товара, был необходим в конечном счете для обоснования теории прибавочной стоимости, для раскрытия тайны капиталистической эксплуатации.

Вооруженный гегелевской диалектической логикой и увлеченный его знаменитой триадой (тезис – антитезис – синтез), К. Маркс осуществил в своем анализе последовательное восхождение по ступеням трех экономических категорий: товар – деньги – капитал. На первом этапе этого восхождения (от товара к деньгам) как раз и была разработана оригинальная теория денег.

Раскрыв товарное происхождение денег с помощью развития форм стоимости, К. Маркс доказал, что деньги – это особый товар, всеобщий эквивалент обмениваемых товаров, всеобщее воплощение их стоимости (разумеется, трудовой). Причем подобной внутренней стоимостью (овеществленным человеческим трудом) могли обладать лишь так называемые «полноценные деньги», т. е. прежде всего – золото. «Стои-

мость железа, холста, пшеницы и т. д., — отмечал К. Маркс, — существует, хотя и невидимо, в самих этих вещах; она выражается в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту...» Между прочим, все это соответствовало реальным системам денежного обращения в передовых странах XIX столетия, когда у денег было и золотое обеспечение, и золотое содержание. С развитием классического (промышленного) капитализма исключительно золото (сначала вместе с серебром) утвердило некогда свою монополию в качестве денежного товара в мировом масштабе.

Дальнейшая же эволюция денег во второй половине XX в. (особенно в связи с уходом золота от выполнения им роли денег, т. е. с его «демонетизацией», и чрезвычайно широким распространением безналичных форм денежных расчетов) явилась отражением принципиальных изменений в общих экономических условиях их функционирования в качестве универсального средства обмена.

Современные деньги, которые сменили свое золотое обеспечение на товарное и начали ускоренно принимать форму так называемых «электронных» денег, а отсюда и современные национальные системы денежного обращения, равно как и международные валютные системы, уже достаточно трудно (хотя такие попытки все еще продолжаются) описать и объяснить только на основе теории денег К. Маркса. Однако и в этом случае проведенное им исследование денег нельзя полностью отослать в «интеллектуальное прошлое».

Достаточно сказать, что и предложенный К. Марксом развернутый анализ товарного происхождения денег, и аргументированное обоснование законов денежного обращения, т. е. определения их количества, необходимого для обслуживания товарного обращения (пусть и проведенное с позиции стоимостной природы денежного товара) продолжают сегодня находиться в арсенале экономической науки.

Что же касается превращения денег в капитал, то и здесь, при всех особенностях исследования этого превращения, ни один современный экономист не стал бы возражать против известного теоретического положения К. Маркса: «Каждый новый капитал при своем первом появлении на сцене, т. е. на товарном рынке, рынке труда или денежном рынке, неизменно является в виде денег, — денег, которые путем определенных процессов должны превратиться в капитал».

1.3. Теория капитала: классовый подход к анатомии рыночной системы экономики

В экономическом учении К. Маркса, опирающемся на трудовую теорию стоимости и развитие ее форм, классический капитализм получил развернутую (и добавим – фундаментальную) характеристику в качестве системы эксплуатации наемного труда, которая, несомненно, была признаком определенной исторической стадии эволюции рыночных отношений.

Между тем рыночная экономика, превратившись в ходе столетия в смешанную, регулируемую и, наконец, социально ориентированную систему, уже далеко не соответствует многим выводам К. Маркса.

Однако и в настоящее время представляется достаточно важным дать хотя бы тезисное освещение марксистского понимания эксплуатации труда по двум причинам: во-первых, в связи с его очевидной альтернативностью по отношению к современным подходам и, во-вторых в целях своеобразного теоретического предостережения от возможного сползания недостроенной рыночной экономики России либо в олигархический, либо просто в грабительский капитализм далекого прошлого.

По теории К. Маркса, капитализм начинается с того момента, когда специфическим рыночным товаром становится не труд, а рабочая сила человека. Под рабочей силой понимается способность человека к труду, и именно эту способность и покупает у рабочего капиталист, т. е. собственник средств производства.

Рабочая сила как товар имеет два свойства: потребительную стоимость (полезность) и стоимость. Причем потребительная стоимость этого товара заключается в способности наемного рабочего создавать живым трудом новую стоимость, превышающую количественно саму стоимость рабочей силы. Стоимость же рабочей силы равна стоимости средств существования, необходимых рабочему для воспроизводства (восстановления) способности к труду.

Новая (или вновь созданная) стоимость, таким образом, складывается из двух частей: стоимости рабочей силы (стоимости необходимого продукта) и прибавочной стоимости, а весь рабочий день делится при капитализме на два периода – необходимое рабочее время, в течение которого рабочий создает стоимость, равную по величине стоимости его рабочей силы, и прибавочное рабочее время, когда создается прибавочная стоимость, целиком и полностью присваиваемая капиталистом.

Что же касается используемых в процессе труда средств производства, то их стоимость лишь переносится на готовый продукт с помощью конкретного труда рабочего. Средства

производства (этот «мертвый», или накопленный, труд) не создают никакой новой стоимости, источником которой продолжает оставаться лишь живой труд наемных рабочих.

Из двойственного характера человеческого труда и отсюда двух свойств товара К. Маркс делал вывод о двойственности самого процесса капиталистического (товарного) производства, представляющего собой, с одной стороны, обычный процесс конкретного труда, сориентированного на изготовление какой-либо полезной вещи, а с другой – «процесс созидания стоимости», в рамках которого должен возникнуть ее излишек по сравнению с первоначальными вложениями денег в производство. Поэтому, как отмечает К. Маркс, у капиталиста присутствуют заботы двоякого рода: «Во-первых, он хочет произвести потребительную стоимость, обладающую меновой стоимостью, предмет, предназначенный для продажи, т. е. товар. И, во-вторых, он хочет произвести товар, стоимость которого больше суммы стоимости товаров, необходимых для его производства, больше суммы стоимости средств производства и рабочей силы, на которые он авансировал на товарном рынке свои наличные деньги. Он хочет произвести не только потребительную стоимость, но и товар, не только потребительную стоимость, но и стоимость, и не только стоимость, но и прибавочную стоимость».

К. Маркс отверг представления о капитале как о совокупности вещественных средств производства, объяснив, что они превращаются в капитал лишь при определенных исто-

рических условиях, т. е. когда становятся частной собственностью капиталиста и одновременно средством эксплуатации наемного труда. Он определил капитал как «самовозрастающую стоимость», или «стоимость, приносящую прибавочную стоимость». В капитале была обнаружена не вещь, а экономическое отношение между людьми, между эксплуататорами и эксплуатируемыми (капиталистами и рабочим классом). По теории К. Маркса, капитал превратился в главное производственное отношение капиталистической (рыночной) системы экономики. При этом он был разделен на две части: постоянный, вкладываемый в средства производства, и переменный, затрачиваемый на покупку рабочей силы (т. е. на заработную плату рабочих) и «самовозрастающий» за счет производства прибавочной стоимости.

Зарботную плату К. Маркс называет «превращенной формой стоимости рабочей силы», т. е., проще говоря, заработная плата наемного рабочего есть денежное выражение стоимости его рабочей силы.

В подобной модели производства наемный рабочий лишь одну часть рабочего дня работает на себя (необходимое время), получая за это время заработную плату, а другую – безвозмездно на капиталиста (прибавочное время). В течение же всего рабочего дня он переносит своим конкретным трудом стоимость средств производства на готовый продукт.

Так выглядит в общих чертах процесс эксплуатации наемного труда капиталом, в ходе которого капиталист все-

гда оплачивает рабочему в форме заработной платы не весь труд, а лишь некоторую его часть. Отсюда и сама степень эксплуатации определяется как частное от деления прибавочной стоимости на стоимость рабочей силы, или (что то же самое) от деления прибавочного рабочего времени на необходимое. Присвоенная капиталистом прибавочная стоимость приобретает на рынке форму прибыли, и тогда еще одним способом установления степени эксплуатации может быть деление массы прибыли на величину выплаченной рабочим заработной платы.

К. Маркс, по существу, отрицал возможность существования в условиях капитализма, во-первых, реального рынка труда и, во-вторых, заработной платы в качестве реальной цены труда, т. е. формы его более или менее эквивалентной оплаты.

Покупка капиталистом на рынке специфического товара «рабочая сила» (а не труда) и выплата рабочему соответствующей заработной платы именно за этот товар (а не за весь труд) – таким предстает механизм эксплуатации наемного труда в марксистской теории. Отсюда следует, что система наемного труда как таковая обязательно должна обладать внутренней эксплуататорской природой. Поэтому отнюдь не случайно в нашей стране, приступившей после Октября 1917 г. к строительству социализма, но сохранившей систему найма работников, для полного устранения (хотя бы на словах) эксплуатации декларативно провозгласили нето-

варную природу рабочей силы.

Что же касается капитализма, который был объектом исследования у К. Маркса, то он действительно отличался и низким жизненным уровнем трудящихся, и отсутствием их социальной защищенности, и безудержным стремлением многих капиталистов к личной наживе, когда рыночный обмен уступал место «корыстному обману», а безвозмездное присвоение чужого труда (т. е. эксплуатация) путем недоплаты за трудовую услугу работников получило широкое распространение.

Однако все это еще не означает, что только марксистская теория прибавочной стоимости служит единственно верным и подлинно научным объяснением многочисленных негативных сторон классического капитализма, в том числе низкой цены труда, абсолютного и относительного обнищания рабочего класса.

Сегодня нельзя не видеть, что в высокоразвитых странах широким слоям трудящегося населения уже обеспечен достаточно высокий жизненный уровень, и, следовательно, ортодоксальное, прямое отождествление рыночной системы наемного труда с его эксплуатацией становится недопустимым, т. е., по сути, – ненаучным.

При таком отождествлении определенная часть населения России, реально обедневшая в ходе реформирования экономики, может вообще не захотеть идти дальше к нормальному и якобы всегда эксплуататорскому рынку и предпочтет ему

возврат в «светлое» прошлое, где ни рабочая сила, ни труд не рассматривались в качестве товара, а заработная плата – в качестве конкурентной цены труда.

Между тем факторы неполной оплаты трудовой услуги наемного работника, несомненно, существовали и в системе централизованно планируемого социализма, встречаются они и в условиях современных рыночных отношений, не говоря о парадоксальных случаях полной невыплаты денежного вознаграждения за труд, все еще наблюдающихся, к сожалению, в переходной экономике России. И здесь реальным барьером на пути ущемления экономических интересов трудящихся может и должна стать социально ориентированная политика правового государства, социальная ответственность самого бизнеса и активные действия общественных (прежде всего, профсоюзных) организаций.

Далее остается добавить, что К. Маркс рассматривал развитие капитализма с точки зрения процесса воспроизводства капитала: на микроэкономическом уровне – как индивидуального, а на макроэкономическом – как общественного. Причем на обоих уровнях в первооснове возрастания капитала и усиления его мощи лежала опять-таки прибавочная стоимость. «У капитала, – подчеркивал К. Маркс, – одно-единственное жизненное стремление – стремление возрастать, создавать прибавочную стоимость, впитывать своей постоянной частью, средствами производства, возможно большую массу прибавочного труда. Капитал – это мертвый

труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живет тем полнее, чем больше живого труда он поглощает».

Предложенные К. Марксом схемы воспроизводства общественного капитала явились, по существу, первыми макроэкономическими моделями функционирования сложившейся к тому времени рыночной системы экономики. Несмотря на то, что в этих схемах национальный доход страны представлял собой (в соответствии с теорией прибавочной стоимости) сумму необходимого и прибавочного продуктов, т. е., иными словами, сумму годового фонда зарплаты рабочих и основных превращенных форм прибавочной стоимости (промышленной и торговой прибыли, ссудного процента и земельной ренты), в них уже содержалось большое число рациональных моментов, которые позднее найдут отражение в макроэкономических концепциях различных теоретиков, не считавших себя последователями К. Маркса.

В ходе исследования капиталистического воспроизводства К. Маркс одним из первых в экономической науке обратил внимание на свойственную ему цикличность – эту объективную форму развития рыночной экономики, которая представляет собой волнообразные движения хозяйственной конъюнктуры (деловой активности) путем чередования ее подъемов и спадов, выступая, как сказали бы современные экономисты, одной из главных форм нарушения макроэкономического равновесия. «Как небесные тела, – образно за-

мечал он, – однажды начавшие определенное движение, постоянно повторяют его, совершенно так же и общественное производство, раз оно вовлечено в движение попеременного расширения и сокращения, постоянно повторяет это движение».

Насколько бы далеко ни продвинулась сегодня теория, изучающая экономические колебания в масштабах как отдельных стран, так и всемирного хозяйства, она продолжает выяснять различные причины этих пульсаций рынка, одной из которых (причем едва ли не самой главной) является научно-технический прогресс. В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что именно К. Маркс увидел непосредственную причину периодичности экономических кризисов в процессе обновления основного капитала, обусловленного, в свою очередь, средней продолжительностью жизни его наиболее активного элемента – промышленного оборудования. Этот процесс обновления, порождаемый прогрессом науки и техники, он назвал «материальной основой» экономического цикла.

В общетеоретическом плане К. Маркс рассматривал кризисы при капитализме как результат временного и частичного разрешения его основного противоречия – противоречия между растущим общественным характером производства и частной формой присвоения его результатов (т. е. частной собственностью), считая, что полностью данное противоречие может быть разрешено только при смене капитализма

социализмом, опирающимся исключительно на общественную собственность на средства производства.

Именно основное противоречие капитализма, предельно четко сформулированное в «Капитале», стало теоретическим фундаментом того главного предвидения (можно даже сказать – пророчества), в соответствии с которым капиталистический способ производства ожидал неизбежный крах: «Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют».

Так звучал революционный вывод К. Маркса, сделанный им в известной 24 главе I тома «Капитала».

Несмотря на то, что в XX в. ряд стран во главе с Советским Союзом вступили на путь строительства социализма и коммунизма, вооруженные идеей «экспроприации экспроприаторов», и прошли по нему, при всех трудностях, достаточно большое время, этот долгосрочный исторический эксперимент не стал маяком на магистральном направлении движения человечества.

Отсюда вытекает, что предвидение К. Маркса о подобном варианте гибели капитализма не сбылось. Однако даже этот факт сам по себе не умаляет заслуг К. Маркса как великого

мыслителя.

Будущее оказалось в конечном счете за рыночной системой экономики, которая обнаружила способность к внутренней трансформации, к существенной изменчивости ключевых принципов своего функционирования.

Экономика рыночного типа продолжает в целом динамично развиваться. В ней зримо усиливаются процессы обобществления и социализации, об объективном и необходимом возникновении которых писал К. Маркс полтора века тому назад.

Современные национальные модели рыночной экономики при отсутствии единого эталона отличаются большим многообразием: от «социалистического королевства» Швеции и «социального рыночного хозяйства» ФРГ до «рыночного социализма» Китая. И хотя «час капиталистической частной собственности» все еще не пробил, здесь реально расширяется коллективно-частная (корпоративная) собственность, происходят определенная диффузия собственности и демократизация капитала, возрастает социальная ответственность бизнеса и общая социальная ориентация экономики.

Не случайно в Западной Европе, начиная с 60-70-х г. XX в., наблюдается своеобразная реанимация идей «Капитала» путем их интеграции в неоклассические теории совокупного спроса и в кейнсианство в ходе разработки долгосрочных прогнозов развития рыночной системы, анализа про-

цессов накопления капитала, распределения экономических благ и взаимодействия различных социальных слоев общества.

Даже при характеристике некоторых выводов К. Маркса в качестве ошибочных или утопических необходимо признать масштабность его теоретических достижений и привлекательность идей, среди которых далеко не в последнюю очередь следует назвать убежденность в объективной необходимости постоянной эволюции экономических систем.

2. Англия. «Колониальный» империализм

2.1. Британская империя

Начнем с терминологической оговорки. «Правильное», официальное название этой страны – Великобритания. Англия – сравнительно небольшая часть Великобритании, ее первоначальное ядро, к которому присоединялись остальные части королевства. Но в России принято чаще называть это государство Англией, поэтому и мы, говоря об Англии, будем иметь в виду государство в целом.

Уже к 70-м гг. XIX в. Англия захватила больше колоний, чем остальные страны. В последней трети этого столетия она увеличила свои владения, присоединив огромные территории в Африке. Основными событиями завершения раздела Африки были Англо-бурская война и фашодский инцидент, о котором упоминалось выше. Одновременно с захватами в Африке Англия присоединяла к империи последние незанятые клочки суши: Бирму, Борнео, острова в Тихом океане. С начала XX в. колониальная экспансия резко ослабла по той простой причине, что уже нечего было захватывать: мир был поделен.

Территория английских владений к 1914 г. была в 100 раз больше территории самой Великобритании, и англичане с гордостью говорили, что над Британской империей никогда не заходит солнце. К концу XIX в. население Англии составляло 38 млн человек, уступая Германии (50 млн) и США (63 млн), но население всей Британской империи превышало 380 млн.

К власти в Англии периодически приходили то кабинеты консерваторов (тори), то либералов (виги), но они в равной степени были «империалистами», т. е. сторонниками сохранения и расширения колониальной империи.

Основу их колониальных устремлений наиболее четко выразил Сесиль Родс, «практик» колониальных захватов, по имени которого была названа колония Родезия в Южной Африке. «Империя есть вопрос желудка, – говорил он. – Если вы не хотите гражданской войны, вы должны быть империалистами» [2, с. 54]. Иными словами, чтобы поддерживать социальный мир в Великобритании, не допуская социальных взрывов, надо жить за счет колоний.

Единодушие в этом вопросе определялось, в частности, тем, что по своему социальному составу тори и виги существенно сблизились. В состав консерваторов теперь входили не только лендлорды, но и представители крупной, в том числе промышленной, буржуазии. Министром колоний в кабинете консерваторов 1895–1905 гг. был «выскачка» Чемберлен, бывший фабрикант обуви и пуговиц, политическая

карьера которого началась с организации строительства дешевого жилья для рабочих. Таким же сторонником колониализма был и один из лидеров либеральной партии Ллойд Джордж, который родился в семье учителя, а в начале XX в. провел целый ряд социальных реформ.

Огромные доходы от колониальной империи не только поддерживали сравнительно высокий уровень жизни низов населения, но и обеспечивали дополнительным вариантом самоопределения: отчаявшийся человек всегда мог эмигрировать в колонии, где, по общему представлению, было легко разбогатеть. К тому же колонии – это экзотика и романтика. Этот романтический идеал воспевали крупнейшие английские писатели: Киплинг, Конрад, Стивенсон.

А между тем в Британской империи усиливались центробежные тенденции. Стремлению задержать экономическое развитие колоний, сохранить их как источники сырья и рынки сбыта для английской промышленности противостоял вывоз капитала. Вкладывать капитал в колониях было выгоднее, чем в Англии, потому что там было дешевое сырье и дешевая рабочая сила. Зачем было везти из Индии хлопок в необработанном виде, если можно было наладить его обработку на месте?

Чтобы вывозить сырье из глубины страны к морским портам, чтобы перебрасывать солдат в опасные для колониальной администрации места, надо было строить железные дороги, а строительство железных дорог всегда вызывает раз-

витие по соседству угольной и металлургической промышленности. Капиталовложений требовало и производство сырья — джута, хлопка, кокосового масла и т. д. Скупка этого сырья у местного населения сменяется налаживанием интенсивного плантационного хозяйства.

К тому же английские колонии делились на переселенческие и непереселенческие. Переселенческие находились в сравнительно умеренном климате — в Северной Америке, Австралии, Южной Африке. Именно туда устремлялась основная масса переселенцев из Англии и других стран Европы, составив здесь основную, наиболее активную часть населения, тогда как туземное население было оттеснено на второй план. Это не обязательно сопровождалось истреблением местного населения. Численность охотничьих индейских племен Канады или занимавшихся собирательством и охотой аборигенов Австралии была невелика: сам способ производства не допускал значительного роста населения по отношению к территории. Непереселенческими назывались колонии, где преобладало коренное местное население, такие как Индия или страны экваториальной Африки.

Естественно, центробежные процессы, о которых идет речь, происходили наиболее интенсивно в переселенческих колониях. Там развивалась своя экономика, своя буржуазия. Ограничивать ее действия, не допуская экономического развития, опасно: образование США на базе английских колоний было достаточным уроком. Поэтому английское пра-

вительство вынуждено идти на уступки: предоставлять права самоуправления, права доминионов, допуская самостоятельное независимое развитие экономики.

Доминионами стали Канада (1867 г.), Австралия (1901 г.), Южно-Африканский Союз (1910 г.), Новая Зеландия (1907 г.). Это теперь были вполне самостоятельные государства, связанные с Англией лишь номинально, символически. В 1907 г. на имперской конференции было принято решение, что доминионы – суверенные и равные державы, а Великобритания – лишь «первая среди равных». Когда встал вопрос о подготовке к надвигавшейся мировой войне, доминионы согласились действовать на стороне Англии, только Канада и Австралия заявили, что их участие в этой подготовке выразится в создании собственного военного флота.

2.2. Потеря промышленного лидерства

Колонии обеспечивали Англии огромные преимущества перед другими странами. Но именно эти преимущества замедлили рост английской экономики. Каким образом?

Английская промышленность оказалась в привилегированном положении. Она имела в колониях монопольные источники сырья и рынки сбыта. Английские промышленники имели гарантированные прибыли, и поэтому у них не было стимула к совершенствованию своих предприятий. Колониальные рынки и без этого поглощали их продукцию. А между тем оборудование английских заводов к началу XX в. уже устарело: ведь они строились раньше, чем заводы Германии и США. Достаточно сказать, что основой английской энергетики оставались паровые двигатели, тогда как в Германии и США решающие позиции завоевывала уже электроэнергетика.

Чтобы преодолеть техническое отставание от стран «молодого капитализма», была необходима реконструкция промышленности. Но это требовало огромных капиталовложений, а наиболее выгодным употреблением капитала был вывоз его в колонии. Поэтому новые капиталы, которые накапливались в Англии, преимущественно уходили в колонии, а не вкладывались в свою промышленность.

Главным рынком сбыта английской промышленности были колонии, но ведь колонии – рынок сбыта в основном для потребительских товаров, для продукции легкой промышленности. Поэтому и ведущую роль в Англии сохраняет легкая промышленность, тогда как в Германии и США на первый план выступает машиностроение. Особенно отставало в Англии развитие новых отраслей промышленности – электротехнической и химической.

Эти обстоятельства и привели к потере Англией промышленного лидерства. Она перестала быть «фабрикой мира». Если в середине XIX в. Англия давала половину мировой промышленной продукции, то к 1914 г. ее удельный вес в мировом промышленном производстве сократился до 14 %. Если мировое промышленное производство за период с 1870 по 1913 г. выросло в 5 раз, то английское – только в 2 раза. Выплавка чугуна в Англии за это время выросла на 71 %, тогда как в Германии – в 13,8 раза, а в США – в 18,2 раза. По объему промышленного производства Англия теперь отходит на 3-е место в мире, ее обгоняют США и Германия.

Замедленно в Англии происходит и концентрация производства, и образование монополий. Образование монополий тормозила и традиционная фритредерская политика. Объединившись в монополию, британские промышленники не могли контролировать рынок и устанавливать монопольные цены, потому что покупатели перешли бы в этом случае на более дешевую импортную продукцию. Тем более невозмож-

но было установить монополию для продажи товара на внешнем рынке.

Правда, в Англии, как и в других странах, к концу XIX в. успешно шел процесс акционирования, и семейные фирмы сменялись акционерными компаниями. Но если в США, например, первые тресты возникли в новых отраслях – автомобильной, электротехнической, нефтяной, то в Англии первые монополии, возникшие в 90-х г. XIX в., – это трест Коута по производству ниток, обойный, ситцепечатный, щелочной тресты. Эти монополии явно не охватывали ведущие отрасли промышленности.

Правда, мощные монополии возникли в военной и судостроительной промышленности, которые находились под особым покровительством государства и выполняли государственные заказы. Важнейшие из них – «Армстронг» и «Виккерс», которые потом слились в один трест «Виккерс».

Но особенно бедственно отразились последствия колониальной имперской политики на сельском хозяйстве Англии. Историк Дж. Тревельян упадок земледелия даже назвал «важнейшим событием» Англии конца XIX в. [9, с. 551].

Дешевые сельскохозяйственные продукты шли из колоний, и это дополнялось притоком дешевого хлеба из Америки. Новые сельскохозяйственные машины позволяли фермерам Среднего Запада США снимать урожай с огромного пространства нетронутых земель прерий, а железные до-

роги и пароходы дешево доставляли американскую пшеницу в Англию. Технический уровень английского земледелия оставался очень высоким, но массовое производство зерна дешевыми способами оказывалось эффективней дорогостоящих методов обработки земли в Англии.

В конце 60-х г. XIX в. квартал пшеницы в Англии стоил 50 шиллингов, а в начале XX в. – 25 шиллингов. Приток дешевого хлеба действовал в основном именно на Англию, потому что другие страны Европы отгораживались от него высокими таможенными барьерами. В Англии же, кроме общего господства фритредерской политики, была еще свежа память о «голодных сороковых годах», когда повышение пошлин на зерно сделало хлеб слишком дорогим для простых людей.

Английские фермеры не могли конкурировать с дешевым импортным продовольствием, ведь они должны были отдавать часть доходов еще в качестве арендной платы лендлордам. Правда, арендная плата понизилась почти в два раза, но это не спасало. К тому же приходилось существенно повышать плату сельскохозяйственным рабочим, которые тянулись к городской жизни. Положение промышленного рабочего было более надежным: батрак был нужен фермеру лишь на время полевых работ. В город уходили не только батраки, но и дети фермеров в это время часто бросали сельское хозяйство, надеясь найти счастье в городе. И фермеры разорялись. Накануне мировой войны сельским хозяйством зани-

малось лишь 8 % населения Англии.

В первую очередь сократились посевы зерновых. Посевные площади под пшеницей в Англии с 1870 по 1913 г. уменьшились почти в два раза. Бывшие поля отводились теперь под охотничьи угодья, площадки для игры в гольф, парки. По словам писателя Хаггарда, «некоторые местности в Англии опустели теперь, как южноафриканская степь». И свой хлеб теперь обеспечивал только пятую часть потребления.

Несколько дольше держалось животноводство, потому что мясо – скоропортящийся продукт, и его нельзя везти через океаны, а особенно – через тропические воды. Но в конце XIX в. появились пароходы-рефрижераторы, и Англия была засыпана дешевым мороженым мясом из колоний.

В результате английское сельское хозяйство сохранило значение только в качестве пригородного. Оно поставляло в города свежие овощи и продукты животноводства. 2/3 потребляемой сельскохозяйственной продукции теперь поступало из-за океанов.

Упадок сельского хозяйства не означал разорения лендлордов. Лендлорд оставался «сельским джентльменом», но основную часть доходов получал теперь не от сельского имения, а из других источников. Проспект акционерного общества производил благоприятное впечатление, если во главе правления стоял член палаты лордов. В отличие от фермеров лендлорды были образованными, хорошо информированными.

ми в области экономики людьми и своевременно вкладывали накопленные капиталы в наиболее перспективные отрасли хозяйства. Лендлорд жил в столице – Париже, Монте-Карло, Швейцарии, – а в имение являлся лишь отдохнуть от светской жизни и поохотиться. «А как часто бывало, хлеб сеяли лишь с тем, чтобы разводить куропаток», – писал современник [3, с. 265].

Особенно остро аграрный кризис проявлялся в Ирландии, где основную часть населения составляли мелкие арендаторы, живущие на грани постоянной нищеты. К тому же лендлордами здесь были часто англичане, представители страны, под властью которой находилась Ирландия. Они, как правило, почти не появлялись в своих ирландских владениях, а в Ирландии действовали их управляющие. Ирландия была очагом непрекращавшихся социальных выступлений, где экономические требования сочетались с политическими – с требованиями самоуправления Ирландии, гомруля. Формы этой борьбы были разнообразными. Именно там проявилась такая форма протеста, как бойкот, по имени управляющего капитана Бойкота, отличавшегося особенно жестокими методами эксплуатации арендаторов. Рабочие и прислуга покинули его, торговцы прекратили поставку ему продуктов, окружающие его игнорировали. Бойкот был вынужден покинуть имение.

Чтобы не доводить дело до открытого восстания Ирландии против Англии, правительство было вынуждено прове-

сти там земельную реформу 1903 г. Земля выкупалась государством у лендлордов и продавалась крестьянам-арендаторам в рассрочку на 68 лет. Ежегодные выкупные платежи были даже меньше прежней арендной платы, а лендлордам было заплачено за землю больше рыночной стоимости этой земли. Разница покрывалась за счет государственного бюджета. Реформа шла успешно, к 1913 г. из 19 млн акров пахотной земли в Ирландии 11 млн было уже в руках крестьян. Процесс передачи земли крестьянам сдерживал только недостаток денег в государственном бюджете.

Но земельная реформа не могла остановить движение за гомруль Ирландии. В 1905 г. это движение возглавила партия Шинн Фейн. Парламент несколько раз отклонял билль о гомруле, а когда его принятие стало неизбежным, жители Ольстера, наиболее экономически развитой северо-восточной части Ирландии, потребовали исключить этот район из состава Ирландии, оставив его как часть Великобритании. Причиной этого был не только относительно высокий экономический уровень, но и уровень жизни: здешнее протестантское население было настроено против католицизма, господствовавшего в остальной части Ирландии. В 1914 г. здесь стали формироваться вооруженные отряды для борьбы за отделение от Ирландии, причем с помощью Германии, противника Англии в надвигающейся войне. В Ольстер из Англии были двинуты войска, чтобы навести порядок, но результатом стал «офицерский бунт»: офицеры английской

армии отказались подчиниться своему правительству и действовать против ольстерцев. Ирландия получила самоуправление со своим парламентом и правительством, но наиболее развитая ее часть, Ольстер, осталась в составе Великобритании.

2.3. Фритредерство и протекционизм

Теряя позиции в промышленном и сельскохозяйственном производстве, Англия оставалась «владычицей морей». В 1885 г. Британии принадлежала треть морских судов мира, в том числе $\frac{4}{5}$ всех морских паровых судов [9, с. 567]. Если до этого британские клипперы были наивысшим достижением парусного судоходства, то теперь на морях господствовали британские паровые суда. Накануне мировой войны Англии принадлежала половина мирового торгового флота по тоннажу судов.

Англия сохранила лидирующее положение и в мировой торговле. В 70-х гг. XIX в. на ее долю приходилось свыше 60 % мирового товарооборота.

Экспорт Англии с 1870 по 1913 г. вырос в 2,6 раза – с 199,6 до 525,3 млн фунтов стерлингов, а импорт – в 3,5 раза – с 259 до 659 млн фунтов стерлингов, 70 % экспорта составляли готовые товары, 74 % импорта – сырье и продовольствие. В 1900 г. в страны Британской империи ввозилось товаров на 102 млн фунтов стерлингов, в остальные страны – на 252 млн. Внутримперский товарооборот не достигал и половины торговли с остальным миром [3, с. 313].

Нетрудно заметить, что торговый баланс Англии был пассивным. Англия больше ввозила чужих товаров, чем продавала своих. Однако платежный баланс был активным: дохо-

ды от вывоза капитала, т. е. от капитала, вложенного в хозяйство других стран (и прежде всего – английских колоний), намного перекрывали пассивность торгового баланса.

Англия занимала первое место в мире по экспорту капитала. В 1906–1912 гг. в английское хозяйство ежегодно вкладывалось 39 млн фунтов стерлингов, а вывозилось 152 млн. С 1870 по 1913 г. экспорт капитала вырос более чем в три раза – с 51,2 до 160,5 млн фунтов стерлингов. За последние 30 лет XIX в. национальный доход Англии вырос в два раза, а доход с зарубежных инвестиций – в 9 раз. В 1912 г. прибыль на вывезенный капитал составила 176 млн фунтов стерлингов, а внешняя торговля дала только 33 млн. Складывалось такое положение, что Англия могла и не иметь своего хозяйства, поскольку на нее работало хозяйство других стран, и прежде всего, конечно, стран Британской империи.

Но это было опасно. С потерей промышленного лидерства фритредерская политика теряла прежнее значение. Раньше она позволяла английским промышленным товарам завоевывать мировые рынки, а теперь германские и американские товары не только вытесняли Англию с мировых рынков, но и в самой Англии успешно конкурировали с английскими товарами. Англичан теперь даже призывали бойкотировать германские товары.

Идеологом восстановления протекционизма, но на новом уровне, выступил Чемберлен. Он предложил окружить забором из высоких пошлин всю Британскую империю, создав

привилегированный рынок для сбыта английских товаров. Он писал в 1903 г.: «Что вы предпочитаете: торговать с представителями своей нации или жертвовать этой торговлей, поддерживая торговлю с вашими конкурентами и соперниками?» [3, с. 256]. Но до мировой войны идея и такого протекционизма не получила общей поддержки по трем причинам.

Во-первых, фритредерская политика обеспечивала дешевизну продовольствия и товаров народного потребления. Введение импортных пошлин неизбежно вызвало бы рост цен и недовольство низов населения.

Во-вторых, как уже сказано, торговля со странами Британской империи не достигала и половины торгового оборота с остальным миром, поэтому введение протекционистских пошлин грозило огромными убытками тем, кто был занят в этой торговле.

В-третьих, доминионы, обладавшие уже достаточной самостоятельностью, предпочитали дорогим английским изделиям более дешевые товары из других стран и не склонны были жертвовать своими интересами ради процветания метрополии.

2.4. Социальные реформы

Огромные доходы за счет колониальной империи, экспорта капитала в сочетании с тем обстоятельством, что свыше ста лет Англия не вела крупных войн, обеспечили «викторианское процветание» (по имени королевы Виктории). Положение низов населения стало относительно благополучным. Благодаря фритредерской политике в стране было изобилие дешевого продовольствия и предметов потребления. Обычным для простых людей стало проведение праздничных дней на морском побережье в отдаленных бухтах и рыбацких деревушках.

В 1891 г. было введено бесплатное начальное образование. Расходы государства на народное образование с 1870 по 1895 г. увеличились в семь раз. Закон 1902 г. сделал доступным для широких слоев населения и среднее образование. Если прежде поступить в университет могли только выпускники привилегированных аристократических школ, то теперь с ними успешно конкурировали выпускники государственных учебных заведений. Жизнь становилась интересней. Чтение, спорт, велосипедные прогулки, осмотр достопримечательностей стали обычным делом.

Поскольку уже к началу 70-х гг. рабочие имели свое представительство в парламенте, правящие партии стараются привлечь их на свою сторону, и в стране начинается полоса

социальных реформ, основным инициатором которых был Ллойд Джордж, стремившийся сделать либеральную партию партией социальных реформ. В 1906–1909 гг. для рабочих устанавливается выдача пособий по безработице, бесплатное лечение, пенсии по старости. За выполнением этих законов должны были следить государственные инспекторы, которые, таким образом, регулировали отношения между рабочими и предпринимателями. Это означало усиление государственного контроля над экономикой.

Социальные реформы проводились и в сельском хозяйстве. В 1907 г. коронные земли стали делить на мелкие участки и от имени государства сдавать крестьянам в аренду. Согласно закону 1908 г. часть земель лендлордов принудительно выкупалась государством и также сдавалась мелким держателям в аренду. Принцип принудительного отчуждения земель в Ирландии был, таким образом, частично распространен и на Великобританию. Через столетие после уничтожения крестьянства власти Англии пытались восстановить это исчезнувшее сословие. В экономическом отношении это, конечно, означало определенный регресс. Но в условиях, когда основная часть сельскохозяйственных продуктов поступала извне, а лендлорды все более сливались с крупной буржуазией и доходы от земельных владений для них отошли на второй план, подобная мера способствовала установлению социальной гармонии и укрепляла идеалы викторианского процветания.

Вершиной этих преобразований стал «революционный» бюджет Ллойд Джорджа 1909 г., который перекладывал основную тяжесть налогов на лендлордов и владельцев крупных капиталов, на богатейшую верхушку страны.

Дело в том, что социальные реформы потребовали больших расходов. Только затраты на пенсии рабочим в 1911 г. должны были превысить 12 млн фунтов стерлингов. Огромных расходов потребовало и перевооружение армии и флота в преддверии надвигающейся войны. Дредноуты стоили дорого. Морской бюджет вырос с 27,7 млн фунтов стерлингов в 1895 г. до 42,8 млн в 1905 г., а военно-сухопутный – с 19,5 до 33,6 млн. Покрыть эти расходы за счет рядовых тружеников и мелких предпринимателей было явно невозможно, поэтому их основная тяжесть легла на плечи богатейших людей, и в первую очередь – крупнейших землевладельцев. Особенно неприятным для лендлордов был налог на передачу владений по наследству.

Бюджет прошел через палату общин, но палата лордов его отвергла. Один из лордов, Мильнер, призывал своих коллег «отвергнуть бюджет – и к черту последствия!». «Лорды отвергли бюджет и сами пошли к черту», – ответил на это впоследствии Ллойд Джордж [8, с. 76].

Бюджет ущемлял лишь небольшую кучку богатейших людей и соответствовал интересам подавляющей части населения, поэтому сопротивление лордов было обречено на неудачу. Негодование общества позволило поставить вопрос о са-

мом существовании палаты лордов, архаичного средневекового учреждения, в котором люди заседали лишь по праву рождения и могли отвергнуть любой прогрессивный закон. Следствием стала реформа парламента 1911 г. Согласно новому закону финансовые вопросы, в том числе и утверждение бюджета, вообще изымались из ведения лордов, а остальные законы входили в силу без утверждения палатой лордов, если палата общин принимала их в течение трех сессий.

Социальные реформы стали возможны благодаря активной поддержке тред-юнионов и одновременно расширяли их возможности и права. Тред-юнионы стали активной силой в политической жизни Англии. Результатом стало рождение в 1905 г. лейбористской партии, самой респектабельной рабочей партии того времени. Вступая в тред-юнион, человек автоматически становился членом этой партии. Кроме этого коллективного членства существовало и индивидуальное – для людей, которые не состояли в тред-юнионах, но стремились сделать политическую карьеру, опираясь на мощь профсоюзов.

2.5. Военная экономика Великобритании

Внешнеполитические отношения Англии конца XIX в. принято называть политикой «блестящей изоляции», т. е. отказа от стабильного союза с другими странами. Продолжая традиционную тактику «разделяй и властвуй», английские государственные деятели надеялись извлечь выгоды для своей страны, подогревая соперничество континентальных держав. В случае войны эти державы должны были ослабить друг друга, что, естественно, повысило бы вес Англии в европейских делах.

На континенте в это время складывались две противостоящие коалиции: тройственный союз Германии, Австрии и Италии и двойственный – Франции и России. У России и Франции были давние противоречия с Германией и Австрией. Ведь совсем недавно Германия отобрала у Франции Эльзас и Лотарингию, а поглощаемые австро-германским блоком славянские народы на Балканах видели в России своего защитника.

А у Великобритании главные противоречия были не с Германией, а с Францией и Россией. Кульминацией борьбы за раздел Африки стал фашодский инцидент, когда дело чуть не дошло до военного столкновения между Англией и Францией. В юго-восточной Азии яблоком раздора между

Францией и Англией стал Сиам, которым стремились овладеть обе державы. С Россией острые противоречия у Англии были на Ближнем Востоке, особенно в Персии и Афганистане, где английские хлопчатобумажные ткани вытеснялись российскими, а казачьи разъезды возбуждали опасения, что Россия вот-вот захватит эти страны: российская граница была рядом, и России не надо было через моря и океаны доставлять сюда свои войска.

Но «блестящая изоляция» была опасной: блоки могли объединиться для разрешения своих противоречий за счет огромных колониальных владений Англии. Надо было примыкать к какому-то из них. Среди правящих кругов Великобритании сначала многие считали потенциальным союзником Германию, с которой у Англии не было существенных колониальных противоречий. Но Германия была главным конкурентом Англии на континенте, и промышленные товары Германии грозили захватить даже британский рынок. Стать младшим партнером индустриальной Германии в случае ее победы – такая перспектива Англию не устраивала. К тому же победа Германии, обделенной при разделе колоний, была очень опасна для Британской империи.

И Англия начинает улаживать отношения с Францией и Россией. В 1904 г. были окончательно разграничены между Англией и Францией сферы влияния в Африке. В 1907 г. урегулированы спорные притязания Англии и России в Персии и Афганистане. В этом же году британское правитель-

ство заявило, что не возражает против контроля России над проливами в Черном море. Правда, Англия отдавала то, что ей не принадлежало. Во время войны проливы оказались под контролем немцев, и немецкие броненосцы прорвались в Черное море. Но так или иначе, противоречия были урегулированы, и Англия присоединилась к франко-российскому блоку. Так сложилась «сердечная Антанта» – тройственный союз против Германии.

Впрочем, это не означало полного отказа от прежней тактики ослабления конкурентов в войне между ними. Англия не предполагала принимать существенное участие в сухопутных операциях: ведь у нее не было сухопутных границ с противниками Антанты, а превосходство флота делало явно нереальной возможность германского десанта на Британские острова. Поэтому Англия была особенно обеспокоена германской программой военноморского вооружения. В противовес этой программе в Англии стали строить дредноуты, но Германия тоже стала строить дредноуты, и Британии пришлось перейти от принципа «тройного превосходства» к «двойному превосходству».

И все же в первые месяцы войны Англия практического участия в ней не принимала, предполагая «отсидеться», пока дерутся континентальные конкуренты. Лишь вступление германских войск в Бельгию, неприкосновенность которой была гарантирована международными договорами, заставила Англию объявить о своем вступлении в войну.

Но и после этого участие в сухопутных военных операциях оставалось очень ограниченным. Главным вкладом в действия союзников должно было стать обеспечение морской экономической блокады Германии. Но и в этом действия Англии были весьма непоследовательными. Более того, английские капиталисты во время войны продолжали торговать с Германией через нейтральные государства, снабжая ее хлопком, каучуком и другими видами стратегического сырья.

Более успешной оказалась германская блокада самой Англии. Германские субмарины и легкие крейсера топили транспорты, которые шли в Англию с грузом сырья и продовольствия. Хлеба в Великобритании стало не хватать. В 1917 г. здесь была введена система нормированного распределения продовольствия по карточкам. Если прежде продовольствие ввозилось в основном из-за океанов, то теперь его надо было производить дома. Посевы пшеницы к концу войны в Англии выросли на 40 % по сравнению с довоенными, а ее сбор – на 58 %.

Литература

1. *Брентано Л.* История развития народного хозяйства Англии. М.; Л., 1930. Т. 3.
2. *Всемирная история.* М., 1960. Т. 7.
3. *Галеви Э.* История Англии в эпоху империализма. М., 1937. Т. 1.

4. *Ерофеев Н. А.* Очерки истории Англии 1815–1917 гг. М., 1959.
5. *Кертман Л. Е.* География, история и культура Англии. М., 1983.
6. *Мортон А. Л.* История Англии. М., 1950.
7. *Ольшанский В. Т.* Экономическая история Англии. М., 1984.
8. *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма // Соч. Т. 5. М., 1958.
9. *Тревельян Дж.* Социальная история Англии. М., 1959.

3. Германия. Юнкерский буржуазный империализм

3.1. Юнкера и буржуазия

Германский империализм принято называть «юнкерски-буржуазным», потому что, несмотря на развитие капиталистической экономики, государство оставалось в руках юнкеров-помещиков. Из юнкеров по традиции состоял государственный аппарат. Из юнкеров состоял офицерский состав армии. Человек, не имевший дворянского звания, не мог сделать военной карьеры. Нужно учитывать к тому же, что в Германии положение офицера, военного, считалось особенно престижным. Юнкера занимали сильные позиции и в экономике страны. Они сохраняли господствующее положение в сельском хозяйстве, а в период грюндерства, скупая акции промышленных компаний, заняли прочные позиции и в промышленности.

Переход от феодализма к капитализму обычно завершается буржуазной революцией, ликвидирующей прежний государственный аппарат, обеспечивавший господство сословия феодалов. Создается новое государство, основанное на демократических принципах, которое стоит на страже инте-

ресов буржуазии. Ликвидируются при этом и сословные привилегии дворян.

В Германии этого не произошло. Во главе страны стоял прусский король, который одновременно был императором Германии. Он распоряжался вооруженными силами, утверждал законы, созывал и распускал рейхстаг. Его помощник, министр — президент Пруссии, являлся одновременно канцлером Германии, единственным общегерманским министром, который отчитывался не перед рейхстагом, а перед императором. В сущности, эти два человека, возглавлявших сословие юнкеров, и определяли политику Германии.

Почему же буржуазия не сломала эту государственную машину, обеспечивавшую господство юнкеров, не создала новое, демократическое государство, тем более что в Германии был сильный рабочий класс, на который обычно опирается буржуазия в ходе демократических революционных преобразований?

Иногда у буржуазии возникали противоречия с юнкерами, особенно по вопросу о таможенных тарифах. Но в основном у буржуазии и юнкеров были общие цели. Германскую буржуазию обделили при разделе колоний, и она теперь стремилась к переделу мира. Для такого передела была нужна мощная военная машина, которая была в руках юнкеров, машина, которая уже доказала свое превосходство в ходе франко-прусской войны. Не стоило ее ломать, чтобы создавать новую. А военные приготовления, военные программы спо-

способствовали развитию промышленности. И юнкерское государство заботилось о развитии буржуазной экономики, развитии промышленности, без чего оно не могло осуществить свои агрессивные притязания.

3.2. Успехи промышленности. Монополии. Социалисты

За период с 1870 по 1913 г. мировое промышленное производство выросло в 5,26 раза, германское – в 5,7 раза. Развиваясь опережающими темпами, германская промышленность обогнала английскую и французскую и к началу мировой войны вышла на первое место в Европе и второе место в мире. Впереди, как и прежде, шла тяжелая промышленность. За этот период тяжелая промышленность увеличила производство в 9 раз, а легкая – только в 4 раза. Выплавка стали в Германии за этот же период выросла в 92 раза, тогда как в Англии – в 38,5 раза. Германская металлургия вышла на первое место в Европе. На первое место в мире Германия вышла по вывозу машин.

Особенно высокими темпами в Германии развивались новые отрасли. На первое место в мире вышла германская химическая промышленность. Германия стала монополистом по производству анилиновых красителей, и Англия даже в годы войны была вынуждена ввозить германские краски через нейтральные государства. Первое место в мире занимала германская электротехническая промышленность. Германия производила половину электротехнических товаров мира, и отсюда в другие страны вывозились динамо-машины, трамваи, электролампочки. Но особую роль здесь играла во-

енная промышленность, которая тоже занимала первое место в мире.

Стимулом этого бурного развития промышленности послужили объединение Германии и победа в войне с Францией в 1871 г. Снятие внутренних таможенных барьеров объединило страну в единый рынок и резко увеличило возможности сбыта промышленной продукции. Германия захватила Эльзас и Лотарингию с богатыми залежами железной руды. Правда, здешние фосфористые руды до этого почти не использовались, но открытие Томаса по обесфосфориванию руды в 70-х гг. сделало здешние запасы главной сырьевой базой германской металлургии и послужило толчком для ее ускоренного развития. Кроме того, Германия получила с Франции огромную контрибуцию в 5 млрд франков. Эта контрибуция была в значительной степени использована для развития промышленности.

Все это дополнительно ускорило темпы роста страны «молодого капитализма». Новые германские заводы, оборудованные новейшей техникой, и до этого имели существенные преимущества перед промышленностью стран «старого капитализма».

Каждые десять лет германская промышленность испытывала экономический кризис (1873, 1883, 1892, 1900 гг.), но эти кризисы стимулировали модернизацию промышленности, выводя из строя отсталые, слабые предприятия.

Важным фактором совершенствования производства бы-

ли достижения науки и техники. Достаточно перечислить крупнейших ученых мира, которые в это время совершали свои открытия в Германии: А. Эйнштейн, который в 1900 г. опубликовал свою работу о теории относительности; М. Планк, заложивший в это время начало квантовой физики; Герц, доказавший существование электромагнитных волн; Рентген, открывший лучи, названные позже его именем. Правда, эти фундаментальные научные открытия, как правило, не находили прямого приложения в производстве, но служили отражением общих успехов германской науки.

Поскольку предприятия тяжелой промышленности, особенно новых отраслей, получивших преимущественное развитие в

Германии, не могли быть мелкими, Германия вышла на первое место в Европе по концентрации производства. Высокая концентрация облегчала образование монополий, и в начале XX в. Германия становится классической страной монополий.

Первые монополии, в форме картелей и синдикатов, объединявших не производство, а только сбыт продукции, возникли в XIX в. Наиболее известные из них – организованные в 90-х гг. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат и Синдикат чугунолитейных предприятий. Синдицирование продолжалось и в начале XX в. В 1904 г. был основан Стальной синдикат, а в 1910 г. – Железный синдикат.

Как и в других странах, монополизация наиболее интен-

сивно происходила в новых отраслях. Именно в них рождаются первые тресты. В электротехнической промышленности возникли корпорации, сохранившиеся до настоящего времени: «Сименс – Гальске» и «Всеобщее электрическое общество» (АЭГ – Альгемейне Электрише Гезельнафт). Два концерна возникли и в химической промышленности.

Среди германских монополий особое место занимал военный концерн Круппа. Созданный при участии государства и действовавший по государственной программе, он стал государством в государстве. В состав концерна входили не только военные предприятия, но и шахты, металлургические и машиностроительные заводы. Поскольку артиллерийские заводы строились тогда, когда еще были недостаточно развиты другие отрасли промышленности, фирма строилась по феодальному принципу – на «самообслуживании»: крупновские пушки готовились из крупновской стали на крупновских станках.

Прямым следствием сочетания этого принципа самообеспечения и полугосударственного характера концерна была рабочая политика Круппа. Рабочие концерна жили в благоустроенных поселках с школами, библиотеками, больницами, обеспечивались значительными пенсиями по старости. Цель такой благотворительности была двоякой: во-первых, добиться, чтобы рабочие поддерживали гонку вооружений, милитаризацию Германии, во-вторых, ослабить рабочие организации и социальные выступления рабочих, которые мог-

ли быть особенно опасными в условиях войны.

С ростом промышленности стремительно увеличивалась доля городского населения, значительную часть которого составляли рабочие. Если в 70-х гг. XIX в. горожане составляли треть германского населения, то в 1910 г. – около 60 %. По расчетам Зомбарта, на рубеже нового столетия из 56 млн населения Германии 4–5 % приходилось на долю буржуазии, 67,5 % – на долю пролетариата. [2, с. 355]. Высокая концентрация промышленности облегчала образование рабочих организаций. Этому способствовало и то обстоятельство, что, согласно имперской конституции, принятой при объединении Германии, избирательным правом обладали все мужчины с 25-летнего возраста, независимо от словной и классовой принадлежности.

В 1875 г. была основана Социалистическая рабочая партия. К 1914 г. число ее членов достигло 1 млн, а в связанных с ней профсоюзах состояло 2,5 млн человек. В 1877 г. социалистам принадлежало 12 мест в рейхстаге, а под конец социалисты составляли уже свыше четверти депутатов.

Неудивительно, что рейхстаг последовательно отклонял законы против рабочего движения и социалистов. В 1890 г. был отвергнут «Исключительный закон» против социалистов, который запрещал социалистические организации и органы рабочей печати. В 1895 г. был отклонен «каторжный закон», который грозил каторгой за покушение на свержение существующего строя. В 1899 г. был отвергнут антиза-

бастовочный закон, который предусматривал меры по защите штрейкбрехеров. В том же году рейхстагом был принят закон о профсоюзах, который не позволял закрывать профсоюзные организации и даже препятствовать их деятельности. И все это происходило в стране, которую принято считать самой реакционной европейской страной того времени.

Под давлением социалистов и профсоюзов в 80-90-х гг. в Германии принимаются прогрессивные рабочие законы: запрещается детский труд, ограничивается рабочий день, вводится страхование от безработицы и пенсии по старости.

В соответствии с ускоренным ростом промышленности ускоренно росла и внешняя торговля. За период с 1880 по 1913 г. экспорт Германии вырос в 3,4 раза, импорт – в 3,8 раза. Для сравнения: экспорт Англии за это время увеличился лишь в 2,3 раза, Франции – в 2 раза, экспорт США – в 2,8 раза. В 1913 г. на долю Германии приходилось 13 % мировой торговли.

Но именно в сфере внешней торговли к концу XIX в. возникли противоречия между двумя господствующими классами – юнкерами и промышленной буржуазией.

3.3. Сельское хозяйство. «Сплочение» юнкеров и буржуазии

Развитие капитализма в сельском хозяйстве Германии по-прежнему определялось «пруссским путем». В конце XIX в. 2/3 сельских хозяев Германии владели участками земли меньше гектара, и их владения составляли только 5,6 % сельскохозяйственных угодий. В сущности, это были сельскохозяйственные рабочие с землей. Мелкие хозяйства не могли прокормить владельцев, но позволяли платить им пониженную заработную плату. Такие работники были привязаны к своим хозяйствам и не могли кочевать в поисках более высокого заработка. Их прожиточный минимум складывался из суммы заработка и дохода от натурального хозяйства.

54,4 % сельскохозяйственных угодий в Германии принадлежало юнкерам и крупным фермерам, каждый из которых имел свыше 20 га земли. На базе этих хозяйств и происходил агротехнический прогресс.

За период с 1870 по 1912 г. урожайность зерновых здесь выросла на 33–50 %. В пять с лишним раз увеличились сборы картофеля и сахарной свеклы. поголовье свиней с 1872 по 1912 г. выросло с 7 до 22 млн голов. И все же сельское хозяйство Германии не могло обеспечить растущую промышленность продовольствием и сырьем, поэтому Германия была вынуждена ввозить сырье и продовольствие из-за грани-

цы.

Естественно, промышленники были заинтересованы в протекционистских пошлинах, закрывающих германский рынок от чужих промышленных товаров. И протекционизм стал успешно проводиться с 70-х гг. Но промышленники были заинтересованы и в притоке дешевого хлеба из России. Дешевый хлеб позволял понизить уровень заработной платы. Но юнкера совсем не хотели, чтобы импорт дешевого хлеба понизил цены на продовольствие и сокращал их доходы. Наибольшей остроты столкновения аграриев и промышленников достигли в 90-х гг., когда юнкера стали в оппозицию правительству по этому вопросу. «Господа! Оппозиция прусских дворян против короля – это же бессмыслица!» – удивлялся Вильгельм II [2, с. 376]. Чтобы сохранить мир, в 1897 г. промышленники согласились с введением протекционистских пошлин на сельскохозяйственные продукты.

Это соглашение о таможенных пошлинах стало одним из проявлений политики «сплочения» господствующих классов, которую германское правительство проводило в предвидении будущей войны. Особенно активно это «сплочение» стало действовать в период усиления колониальных захватов и реализации военно-морской программы Тирпица. Эту активизацию агрессивной внешней политики проводило правительство, которое было в руках юнкеров. Но в колониях нуждались не столько юнкера, сколько буржуазия, и гонка вооружений обеспечивала выгодные военные заказы то-

же буржуазии. Поэтому буржуазия активно поддерживала действия правительства, хоть правительственный аппарат по своему составу не был буржуазным.

3.4. Колониальные захваты

Германским капиталам было уже тесно в Германии. Образуется излишек капитала, который не находит применения внутри страны, и Германия начинает вывозить капитал. К концу XIX в. германские капиталовложения за границей составляли 15 млрд марок – в три раза меньше английских и в полтора раза меньше французских. К началу мировой войны германские внешние капиталовложения выросли до 35 млрд, но они и теперь были вдвое меньше английских и составляли $\frac{2}{3}$ от французских. Из Франции вывозилось до 75 % накопленных капиталов и только 25 % вкладывалось в хозяйство Франции, а из Германии вывозилось только 20 % накопленных капиталов. Немецкие капиталы на мировых рынках сталкивались с конкуренцией английских и французских, уже ранее занявших сильные позиции. Правда, в другие страны Европы Германия вывозила больше капиталов, чем Англия, но это лишь подчеркивало узость сферы приложения капиталов за пределами Европы. Германии были нужны колонии.

Правда, Германия имела колонии главным образом в Африке. Территория германских колоний накануне мировой войны составляла 3 млн квадратных километров, а их население – 12,3 млн человек. Но английские колониальные владения были в 10 раз больше – 30 млн кв. км, а их население –

даже в 32 раза больше – 377 млн человек. Германия опоздала к разделу колоний. По выражению Е. Тарле, ей достались лишь «остатки и обрывки».

На рубеже XX столетия канцлер Бюлов говорил в рейхстаге: «Мы не потерпим, чтобы какой-нибудь чужеземный Юпитер говорил нам: «Что делать, мир уже поделен». Стоять пассивно в стороне, как это мы часто делали раньше, мечтательно уклоняться, в то время как другие делят между собой сладкий пирог, мы не можем и не хотим». Германия предпринимает несколько колониальных авантюр, захватывая уже почти занятые другими колонии. Каждый раз мир висит на волоске. Об одном из таких событий Марк Твен писал: «Германия присмотрела добрый кусок Центральной Африки, где уже развевался английский флаг и всюду были разбросаны английские миссии и английские фактории, но, правда, были упущены некоторые формальности – отсутствовали дощечки с надписями «На траву не ступать», «Посторонним вход воспрещен» и т. д.; поэтому она вошла туда с холодной, спокойной улыбкой, сама расставила дощечки и без лишних разговоров выгнала оттуда англичан... Конечно, это была беспримерная наглость, однако Англии пришлось с ней примириться».

Колониальные захваты Германии начинались обычно с того, что частная компания приобретала определенную территорию, затем возникал конфликт с местным населением или колониальными властями других стран, у берегов появля-

лась германская эскадра и устанавливался германский протекторат, обычно охватывавший и соседние земли.

В 1883 г. немецкий коммерсант Людериц купил у местного вождя в Юго-Западной Африке небольшую часть побережья. Но администрация английской Капской колонии считала эту землю зоной своего влияния. Людериц попросил у Бисмарка защиту. Владения Людерица были объявлены протекторатом Германии, а немецкие корабли подняли германские флаги на всем побережье Юго-Западной Африки далеко за пределами владений Людерица.

Два немецких банкира объявили своей собственностью часть Новой Гвинеи. Там тоже появились германские военные корабли и был установлен германский протекторат. Убийство двух миссионеров в Китае послужило предлогом для захвата бухты Цзяо-Чжоу (Кьяо-Чао) и острова Циндао.

Но чем меньше оставалось таких спорных «обрывков», тем труднее давались Германии колониальные захваты. Знаменитый «прыжок пантеры» не оправдался. Марокко было зоной интересов Франции. В 1911 г. германская канонерка «Пантера» была направлена в марокканский порт Агадир под предлогом защиты интересов находившихся там германских предпринимателей. Но на этот раз пришлось отступить, потому что английское правительство заявило о готовности всеми средствами поддержать французские притязания на Марокко.

Малые размеры германских колониальных владений не

уменьшали масштабов жестокостей колониализма. Когда в Юго-Западной Африке восстали племена гереро и готтентотов, их подавление вылилось в такое методичное истребление всего населения (из 200 тыс. готтентотов осталось лишь 50–60 тыс.), что даже рейхстаг взбунтовался и в 1906 г. был распущен канцлером.

3.5. Подготовка к войне

Раскол Европы на две враждующие коалиции произошел отнюдь не сразу. Бисмарк видел главного противника во Франции. Было очевидно, что захват Эльзаса и Лотарингии и огромная контрибуция чреваты реваншем. Франция не успокоится, пока не нанесет ответного удара. И Бисмарк, который больше всего боялся войны на два фронта, стремился не допустить союза Франции с Россией, укреплять дружбу с восточным соседом. Не случайно именно Берлин был центром размещения российских внешних займов. По свидетельству одного из его приближенных, канцлер стремился восстановить Россию против Франции, «как страны Коммуны и красных вообще» [2, с. 404].

Плодом его усилий стал союз трех императоров – российского, австрийского и германского – заключенный в 1873 г. Поскольку между двумя участниками этого союза, Россией и Австрией, были противоречия на Балканах, Бисмарк мог выступать в качестве арбитра между ними.

И все же конечным итогом политики «железного канцлера» стало заключение тройственного союза Германии, Австрии и Италии в 1882 г.: к этому времени уже стали очевидными контуры будущей Антанты, и надо было собирать силы для противостояния ей.

Бисмарк не мог ужиться с новым кайзером Вильгельмом

Ни в 1890 г. подал в отставку. Внешнеполитические действия нового кайзера были сумбурными и вносили сумятицу в европейские дела, ускоряя развязывание войны. С одной стороны, он стремился нейтрализовать Россию, повернув ее активность на Восток. В 1895 г. в послании Николаю Нон писал, что «для России великой задачей будущего является дело цивилизации Азиатского материка и защиты Европы от вторжения великой желтой расы» [2, с. 435]. С другой стороны, в 1898 г. в Палестине он объявил себя покровителем всех мусульман. Это высказывание было связано со строительством Багдадской железной дороги, которое затрагивало интересы как Англии, так и России.

Но кульминацией стала военно-морская программа Тирпица 1900 г., которая намечала построить за восемь лет второй по величине в мире военный флот. Главное было не в том, что этот флот должен был стать вторым по величине, а в том, что флот «владычицы морей» Англии сразу терял прежнее превосходство: построенные до этого корабли Англии оказывались морально устаревшими по своим техническим характеристикам. И было совершенно очевидно, что эта сила направлена именно против Англии: с Францией и Россией у Германии были сухопутные границы, и для войны с ними надо было укреплять сухопутные вооруженные силы.

3.6. Военная экономика

Бисмарк больше всего боялся войны на два фронта. Но к 1906 г. германский генеральный штаб разработал план Шлиффена, план войны на два фронта. Согласно этому плану германская армия должна была сначала нанести удар по Франции, стремительно разгромить ее вооруженные силы, а затем всю мощь направить против России. А так как на границах Франции находились сильные укрепления, которые было невозможно преодолеть одним броском, этот решающий удар намечалось нанести через территорию нейтральной Бельгии, во фланг французских войск. Этот план и был приведен в исполнение, только одним ударом Францию разгромить не удалось, а на Восточном фронте Германия завязла в длительной позиционной войне. Бисмарк был прав: война на два фронта оказалась губительной для Германии.

Военно-морская программа Тирпица ослабила превосходство британского флота, но не ликвидировала его. К тому же в этой войне решающую роль играли не морские сражения, в которых могло проявиться техническое превосходство новых германских кораблей, а морская блокада, действия против мирных транспортов, доставляющих противнику хозяйственные грузы. Такой транспорт был беззащитен даже против устаревшего миноносца.

Перед войной Германия ввозила значительную часть про-

довольствия из России, но теперь этот источник закрылся. Морские порты были блокированы британским флотом, сосредоточенным у берегов Германии. Правда, Германия тоже топила морские суда, которые шли в Англию, но перекрыть все пути, ведущие в страны Антанты с востока и запада, она была не в состоянии. Германии не хватало собственного продовольствия. Началась «голодная блокада».

В 1915 г. была введена хлебная норма – 225 г муки в день на человека, а в 1916 г. – карточки на масло, мясо, картофель. Урожай зерна 1916 г. не обеспечивал даже этих голодных норм, поэтому в 1917 г. хлебная норма была сокращена до 170 г. В 1916 г. сбор картофеля упал вдвое. Картофель стали заменять брюквой, и голодная зима 1916/17 гг. получила название «брюквенной зимы».

Блокировался подвоз не только продовольствия, но и сырья, в том числе и сырья для военной промышленности. При Военном министерстве был создан «Военно-сырьевой отдел», который ввел реквизиции сырья на военные нужды. У населения забиралась металлическая утварь, посуда и даже дверные ручки. Естественно, это не могло спасти положения, и с 1916 г. началось падение промышленного производства, которое стало одним из факторов поражения Германии.

Во время войны главным покупателем и заказчиком промышленной продукции стало государство. В этих условиях роль государственной власти в экономике многократно уве-

личилась. В Германии был создан централизованный государственный аппарат управления хозяйством, который стал прообразом государственной системы управления экономикой в гитлеровской Германии.

В 1916 г. при правительстве было учреждено Военное управление, которому была подчинена вся промышленность. Оно распределяло военные заказы, сырье и топливо, проводило принудительное синдицирование. Главную роль в этом органе играли не столько чиновники, сколько представители ведущих монополий. В помощь «Военному управлению» были созданы «военные комитеты» в ведущих отраслях промышленности.

Введение карточной системы означало отказ от рыночного ценообразования, переход к государственному распределению. Сельскохозяйственная продукция теперь строго учитывалась и, кроме минимума, необходимого для самих крестьян, ее надлежало сдавать государству по твердым ценам.

В 1916 г. Законом «О вспомогательной службе Отечеству» была введена обязательная трудовая повинность для всех мужчин, не состоявших на военной службе.

Литература

1. Всемирная история. М., 1960. Т. 7.
2. Германская история в Новое и Новейшее время. М., 1970. Т. 1.

3. *Зомбарт В.* Народное хозяйство Германии в XIX и начале XX в. М., 1934.
4. История Европы. М., 2000. Т. 5.
5. *Кучинский Ю.* Очерки истории германского империализма. М., 1952. Т. 1.
6. *Кульбакин В. Д.* Очерки новейшей истории Германии. М., 1962.
7. *Лукин Н. М.* Очерки по новейшей истории Германии. 1900–1914. Л., М., 1925.
8. *Норден А.* Уроки германской истории. М., 1948.
9. *Тарпе Е. В.* Европа в эпоху империализма // Соч. Т. 5. М., 1958.
10. Экономическая история капиталистических стран. М., 1986.

4. Франция. Ростовщический империализм

4.1. Отставание промышленности

По темпам развития промышленности Франция в этот период отставала от США и Германии. Если мировое промышленное производство с 1870 по 1913 г. выросло в 5,3 раза, то французское – в 2,9 раза. Уже к 1880 г. по объему промышленного производства Франция отошла на четвертое место в мире. За весь период ее доля в мировой промышленности сократилась с 10 до 6 %. В 1913 г. в США был выплавлен 31 млн т стали, в Германии – 18 млн, а во Франции – только 5 млн. Выплавка стали в этот период была определяющим показателем развития промышленности.

Одной из причин отставания было поражение Франции во Франко-прусской войне. Франция должна была заплатить Германии контрибуцию в млрд франков. Для уплаты этой контрибуции правительство выпустило заем в 2 млрд франков. Подписка покрыла эту сумму в течение 6 часов. Тогда был выпущен второй заем – в 3 млрд франков. Подпиской на заем за короткий срок были собраны 42 млрд франков.

Но контрибуция составила только часть ущерба. К это-

му добавилась аннексия Эльзаса и Лотарингии и опустошение оккупированных районов. Общий ущерб от войны достиг 26 млрд франков.

Франция относилась к числу стран «старого» капитализма: ее производственные мощности к концу XIX в. уже морально устарели, да и просто изнашивались и требовали обновления. Для этого требовались массовые инвестиции, для которых теперь не хватало денег.

Другой причиной отставания было то, что французская промышленность по-прежнему специализировалась на производстве предметов роскоши, модных товаров. Франция диктовала моду, и, несмотря на высокие цены, модные изделия Франции были вне конкуренции. Аристократы, да и просто богатые люди всех стран считали для себя обязательным носить одежду парижских портных, покупать французскую мебель. Но эти изделия тем и ценились, что изготавливались индивидуально, с большой затратой ручного квалифицированного труда. Это не было массовое производство, поэтому техническое совершенствование и укрупнение подобных предприятий оказывались почти невозможными. В конце XIX в. 94 % промышленных предприятий Франции имели меньше 10 рабочих, т. е. это были предприятия кустарного, докапиталистического уровня. А среди капиталистических, относительно крупных предприятий преобладали мануфактуры.

Была еще и третья причина замедленных темпов развития

промышленности – то обстоятельство, что Франция стала международным банкиром, мировым ростовщиком. Здесь было выгоднее и проще вкладывать деньги в облигации иностранных займов, в ценные бумаги, чем в свою промышленность. Типичной фигурой средних слоев здесь был рантье, а не предприниматель. 75 % накопленных во Франции капиталов вывозилось из страны, и только 25 % вкладывалось в хозяйство Франции.

И все же во Франции ускоренно развивались новые отрасли тяжелой промышленности – электроэнергетика, производство автомобилей и самолетов. По производству автомобилей и самолетов в начале XX в. Франция занимала второе место в мире, по мощности электростанций – первое место в Европе. Такой фактор, как техническая отсталость и износ фондов, здесь не действовал, потому что эти отрасли только еще создавались.

Раздробленность промышленности, мелкие размеры предприятий тормозили образование промышленных монополий. Но господствующая роль банковского капитала ускоряла процесс акционирования. К тому же в массовых отраслях концентрация производства шла довольно высокими темпами. Так, в металлургии число промышленных предприятий сократилось с 4,6 тыс. в 1892 г. до 2,2 тыс. в 1913 г., в бумажной и полиграфической – с 3,3 тыс. до 1 тыс.

Поэтому уже в 70–80 гг. возникают первые монополии, преимущественно в форме трестов и синдикатов: металлур-

гический синдикат (1876 г.), сахарный картель (1883 г.), керосиновый (1885 г.).

Господство монополий устанавливается в начале XX в. Теперь картель «Комите де Форж» объединял 250 металлургических компаний, которые давали $\frac{3}{4}$ чугуна и стали в стране. В химической промышленности господствовали компании «Сен-Гобен» и «Кюльман».

Особых успехов достигла военная промышленность. Франция одной из первых стала изготавливать военные самолеты, скорострельные пушки, пулеметы. Основную часть французского оружия производил концерн Шнейдера, одна из крупнейших военных монополий мира.

4.2. Парцеллярное крестьянство

Франция по-прежнему оставалась преимущественно аграрной страной. В 1876 г. сельские жители составляли 68 % населения, в 1911 г. – 56 %. В этом году непосредственно в сельском хозяйстве было занято 40 % активного населения, тогда как в промышленности – только 36 % [5, с. 517].

И по-прежнему главной фигурой в сельском хозяйстве оставался мелкий парцеллярный крестьянин. К началу мировой войны 40 % сельских хозяев Франции имели участки земли меньше одного гектара. Такой участок не мог обеспечить жизни семьи крестьянина, и крестьянин был вынужден искать дополнительный заработок на стороне.

Вместе с мелким крестьянским землевладением буржуазная революция закрепила и традиционную общинную чересполосность, при которой надел крестьянина состоял из мелких участков в разных полях. По данным переписи 1892 г., в среднем на хозяйство приходилось до 30 таких крошечных участков земли. Некоторые историки парцеллами называют именно такие участки [9, с. 389].

Следствием парцеллярности был замедленный рост населения. Чтобы не дробить и без того маленькое хозяйство, французский крестьянин старался не иметь много детей. Если население Германии с 1870 по 1913 г. выросло на 64 %, Англии – на 60 %, то население Франции за это время вы-

росло только на 8 %.

Ипотечная задолженность крестьян в начале XX в. составляла 15 млрд франков; это была огромная сумма, сопоставимая с ущербом от поражения в 1871 г. Лишь 4 % сельских собственников не находились в кабале у ростовщиков.

Все это тормозило развитие сельского хозяйства Франции. По урожайности основных земледельческих культур она занимала 11-17-е места в мире. Например, по урожайности пшеницы накануне мировой войны Франция находилась на 10-м месте в Европе. В результате плохого урожая 1878 г. резко увеличился ввоз дешевой пшеницы из США. Цены на хлеб упали. Но только в 1885 г. были введены высокие пошлины на импорт зерна.

Страдала даже такая традиционная для Франции отрасль, как виноградарство и виноделие. Площадь виноградников сократилась с 2,4 млн га в 1875 г. до 1,5 млн га в 1913 г., а производство вина – с 83,8 до 44,3 млн гектолитров [9, с. 339].

Не лучше было и с животноводством, которое здесь, впрочем, играло второстепенную роль. Так, поголовье овец уменьшилось с 29 млн в 1860 г. до 16 млн в 1913 г.

Натуральный характер крестьянского хозяйства дополнительно тормозил развитие промышленности, сужая внутренний рынок сбыта промышленных товаров.

4.3. Банки и экспорт капитала

Отставая от других европейских стран по развитию промышленности и сельского хозяйства, Франция лидировала по развитию банковской системы, по концентрации финансового капитала. Анатоль Франс писал: «После того, как Франция освободилась от власти королей, императоров... она подпала под власть финансовых компаний, завладевших богатствами страны» [5, с. 520].

Во главе банковской системы стоял по-прежнему Французский акционерный банк, под контролем которого находилось не только хозяйство страны, но и государственные дела. Акционеры этого банка составляли верхушку финансовой олигархии. Это были банкиры и руководители монополий. Клемансо, правление которого отличалось крайней жесткостью и усилением государственной власти, на вопрос, кто правит Францией, отвечал: «Члены правления Французского банка» [5, с. 521].

Среди остальных банков на первые места выдвинулись три крупнейших: «Лионский кредит», «Генеральное общество» («Сосьете женераль») и «Национальная учетная контора». Совокупный капитал этих трех банков увеличился с 427 млн франков в 1907 г. до 5 млрд 250 млн в 1909 г. [5, с. 520], т. е. в 12 с лишним раз, что на порядок превышало рост промышленности и сельского хозяйства.

Это значило, что процветание французских банков базировалось не на развитии хозяйства страны. Как уже сказано, накануне мировой войны только четверть накопленных капиталов вкладывалась в хозяйство Франции, а три четверти уходили за границу [7, с. 259]. С 1870 по 1914 г. промышленное производство Франции выросло в 3 раза, а вывоз капитала – в 6 раз. Доходы от вывоза капитала были больше доходов от своего хозяйства.

Франция все же вывозила капиталов меньше, чем Англия, но не Англию, а Францию этого времени принято называть международным банкиром, мировым ростовщиком. Почему? Потому что Англия вывозила капитал преимущественно в производительной форме: англичане ехали в колонии и вкладывали там свои капиталы. Из Франции же капитал вывозился в основном в ростовщической форме: французские банкиры давали займы другим государствам. В частности, 80 % займов русского правительства было сделано во Франции. А в колонии направлялась лишь десятая часть вывозимых из Франции капиталов.

Следует, впрочем, оговориться, что до 90-х гг. XIX в. значительная часть капиталов вывозилась и в производительной форме. Французские капиталы вкладывались в угольную промышленность Донбасса, металлургические заводы Юга России, в железные дороги Испании, в строительство Суэцкого и Панамского каналов. Строительство Панамского канала сопровождалось таким массовым разорением мел-

ких акционеров и такими масштабами подкупа членов правительства и парламентариев, что слово «панама» стало нарицательным для обозначения финансовых скандалов. Но к началу XX в. вывоз капиталов в чисто ростовщической форме займов начинает все более преобладать.

В 1908 г. во французское хозяйство было вложено 9,5 млрд франков, а в иностранные ценные бумаги – 104,4 млрд. Вложение денег в облигации и другие ценные бумаги обеспечивало беззаботное положение рантье. Рантье становится типичной фигурой французского общества. К началу мировой войны здесь насчитывалось 2 млн рантье. Ценные бумаги особенно охотно приобретали представители средних слоев населения, усиливая мелкобуржуазный характер французского общества.

4.4. Колонии

К началу мировой войны по величине колониальной империи Франция занимала второе место в мире после Англии. Территория французских колоний составляла 10,6 млн кв. км – в 21 раз больше территории самой Франции, а население колоний, 55,5 млн человек, – в полтора раза превышало население метрополии. Подавляющая часть этих колоний была захвачена в 80-90-х г. XIX в.

Ее основные колониальные владения находились в Северной и Западной Африке, чему способствовало географическое положение Франции: если английские колонии были за океанами от метрополии, то французам, чтобы добраться до Африки, было достаточно пересечь «домашнее» Средиземное море. Неудивительно, что Алжир стал французской колонией уже в 1830 г.

Колониальные захваты Франции, страны демократических и даже революционных традиций, особенно часто проводились под прикрытием «цивилизаторской» миссии. Как писала одна из оппозиционных газет, «Браза повез в Африку десять человек учителей французского языка и правописания; для охраны каждого учителя пришлось присоединить еще по одной небольшой батарее, а для охраны десяти батарей – 10 эскадронов кавалерии» [6, с. 248].

Цивилизаторская маскировка не смягчала жестокости ко-

лониальных войн. Можно было ожидать, что международный банкир Франция будет действовать преимущественно через финансовую сферу, путем закабаления местных властителей, или через частные компании, на защиту которых затем выдвигались государственные вооруженные силы. Но именно так действовали английские и германские колониялисты, а Франция преимущественно практиковала прямые вооруженные захваты.

Например, для захвата Туниса были направлены три французских дивизии, а французский флот вошел в гавань Бизерты. Тунисскому бею указали, что в обозе есть другой бей, более покладистый, и в 1881 г. бей был вынужден подписать договор о протекторате. Следует заметить, что к захвату Туниса Францию подталкивало английское правительство, чтобы отвлечь ее от других направлений экспансии, более опасных для Англии. Лорд Солсбери говорил французскому представителю: «Как долго будете вы терпеть Карфаген в руках варваров?» [3, с. 78].

Королева гавасов на Мадагаскаре не находилась в долгу у французских банкиров. Французские военные отряды, высадившись на острове, обстреляли дворец королевы, после чего она в 1895 г. подписала акт о протекторате.

В Африке Франция стремилась захватить все северное побережье между Гибралтарским проливом и Суэцким каналом, расширить и объединить владения в Западной Африке и соединить их железной дорогой с североафриканскими

владениями. Но для выполнения этой задачи надо было потеснить Англию, и до поры до времени основные противоречия в Африке были между Францией и Англией. В 1898 г. фашодский инцидент привел к разграничению сфер влияния этих двух держав. В сущности, уже тогда были заложены основы будущей Антанты, а «прыжок Пантеры» продемонстрировал уже сложившийся союз Англии и Франции против Германии.

К началу XX в. закончилось оформление колониальных владений Франции и на Дальнем Востоке. В их состав вошли Лаос, Вьетнам, Камбоджа и Тонкин.

4.5. Монархисты, республиканцы, социалисты

Мелкобуржуазный состав населения Франции (парцеллярное крестьянство, мелкие промышленные заведения, обширная прослойка мелких рантье) наложил отпечаток и на политическую жизнь страны. Здесь было несколько монархических, несколько социалистических партий, а либеральные республиканские течения поражали пестротой и многообразием.

Парижская коммуна напугала французское общество, в результате чего произошел откат к реакции. Франция первой половины 70-х гг. – «республика без республиканцев» – без республиканских учреждений и конституции. Подавляющее большинство в Национальном собрании составили монархисты, целью которых была реставрация монархии. Но и они не были едины. Каждая из трех фракций монархистов (легитимисты, орлеанисты и бонапартисты) имела своего кандидата на престол. Только в 1873 г. они сошлись на единой кандидатуре – графе Шамборе, который должен был стать королем под именем Генриха V. Но Шамбор заявил, что он не желает стать «королем революции» и отказаться от белого знамени Бурбонов в пользу трехцветного знамени французской революции. Возвращение же к знамени Бурбонов было явно неприемлемо для французского общества.

К тому же Национальное собрание не было уверено, что оно должно стать учредительным: оно было созвано лишь для преодоления последствий страшного поражения в войне. «Собрание, избранное в нынешних печальных обстоятельствах, – писала газета «Univers», – не может стать Учредительным собранием» [4, с. 71].

Лишь в 1875 г. большинством в один голос собрание фактически признало Францию республикой. В новой конституции слово «республика» упоминалось лишь в статье о выборах президента. В ней не было вообще указания на форму государственной власти, не было ни декларации прав, ни провозглашения республиканских принципов.

К 1879 г. угроза реставрации монархии была ликвидирована. «Марсельеза» стала государственным гимном, а 14 июля, день взятия Бастилии, был объявлен национальным праздником.

Но и в среде республиканцев не было единства. Радикальные республиканцы называли умеренных «оппортунистами», потому что те тянули с обещанными социальными реформами, откладывая их до «подходящего» (*opportun*) времени. В 80-х гг. начинаются лишь некоторые демократические и социальные преобразования: разрешаются запрещенные до этого профсоюзы, вводится всеобщее бесплатное начальное образование, издается реформа об отделении школы от церкви, объявляются свобода собраний и печати.

В 1872 г. во Франции был издан закон о тюремном заклю-

чении за пропаганду социалистических идей. В тоталитарной

Германии социалистическая партия возникла в 1863 г., в демократической Франции – в 1880 г. Эта социалистическая рабочая партия сразу же раскололась на несколько течений, и в 90-х гг. существовало пять социалистических партий, не считая примыкавших к ним анархистов. В 1881 г. в рейхстаге социалистам принадлежало 13 мест, во французской Палате депутатов – только два места. И только в 1914 г. 132 социалиста в парламенте составляли 22 % от общего числа депутатов.

До 90-х гг. во Франции практически не было рабочего законодательства и социального страхования. Только в 1900 г. здесь был издан закон об ограничении рабочего дня 11 часами, а в 1906 г. установлен законом еженедельный выходной день.

Одной из причин этого была дробность профсоюзного движения. Здесь было два вида профсоюзов: синдикаты, которые объединяли рабочих по профессионально-отраслевому принципу, и биржи труда, которые действовали независимо от синдикатов в городах и регионах. Лишь в 1902 г. эти два вида профсоюзных организаций объединились во Всеобщую конфедерацию труда.

Эта дробность социалистических и рабочих организаций объяснялась особенностью экономики Франции, дробностью, многообразием слоев населения. Четкое разделение

основной массы населения на индустриальный пролетариат и индустриальную буржуазию ускоряет консолидацию этих двух групп. Но во Франции оставался значительный слой мелкого крестьянства, сохранялся большой сектор мелкого полуремесленного производства, в котором отношения между предпринимателями и работниками были совсем иными, чем на фабриках. Интересы банкиров не совпадали с интересами промышленной буржуазии. Особыми были интересы значительной прослойки рантье. Все это и определяло особенности политической жизни французского общества.

4.6. Франция в мировой войне

Франция, в отличие от Англии и Германии, не была одним из лидеров в гонке морских вооружений, но накануне войны здесь были самые высокие военные расходы и самые высокие налоги в расчете на душу населения.

В первые же месяцы войны, обойдя французские укрепления через Бельгию, немецкая армия нанесла сокрушительное поражение, оккупировав 10 департаментов, где выплавлялось свыше 60 % французской стали и было сосредоточено 60 % металлообрабатывающей промышленности. Немецкие войска уже подходили к Парижу.

Францию от конечного разгрома спасла Россия. Русское наступление началось еще до того, как были сосредоточены необходимые для этого войска.

Спешная переброска немецких войск на Восточный фронт остановила немецкое наступление.

К концу войны посевы зерновых во Франции сократились до 67 % от довоенного уровня, а сборы основных продовольственных культур снизились на 30–50 %. Внешний долг Франции вырос до 5,4 млрд долл.

Литература

1. Антюхина-Москвиченко В. И. Третья республика во

Франции. М., 1986.

2. Всемирная история. М., 1960. Т. 7.

3. *Дармиштедтер П.* История раздела Африки. М.; Л., 1925.

4. *Зеваэс А. А.* История третьей республики. М.; Л., 1930.

5. История Франции. Т. 2. М., 1973.

6. История XIX века / Под ред. *Лависсаи Рамбо*. Т. 8. М., 1939.

7. *Кареев И. И.* Очерки социально-экономической истории Западной Европы в Новейшее время. Пг., 1923.

8. *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. М., 1971. Т. 2.

9. Экономическая история капиталистических стран. М., 1962.

10. Экономическая история капиталистических стран. М., 1985.

5. Особенности империализма США

Если мировое промышленное производство с 1870 по 1913 г. выросло в пять раз, то промышленное производство США – в 8,6 раза. *США выходят на 1-е место в мире по промышленному производству.*

В американской промышленности в это время происходят структурные изменения: прежде ведущее место занимала легкая промышленность, теперь на 1-е место выдвигается тяжелая. Решающую роль в этом сыграли новые отрасли: электротехническая, нефтяная, резиновая, алюминиевая, автомобильная. Развитие этих отраслей было связано с достижениями науки и техники. Американская промышленность все еще испытывала недостаток рабочих, поэтому изобретательство, новая техника получили здесь особенно благоприятную почву.

В результате серии изобретений Эдисона в области электротехники в 80-х гг. XIX в. рождается знаменитая фирма Эдисона, которая в дальнейшем перерастает в крупнейшую электротехническую корпорацию «Дженерал электрик». Электротехническая промышленность становится одной из ведущих отраслей промышленности в США.

Изобретение двигателя внутреннего сгорания было ис-

пользовано предпринимателем Генри Фордом для организации серийного производства автомобилей. Фирма Форда за короткое время становится монополией – Концерном Форда, а автомобильная промышленность США сразу занимает 1-е место в мире. В Англии в начале XX в. еще существовал закон, по которому перед каждым автомобилем должен был идти человек с красным флагом для охраны пешеходов. В США в это время было уже около 100 000 автомобилей.

Одной из первых монополий США стал основанный Рокфеллером нефтяной трест «Стандард Ойл», который уже в 1880 г. перерабатывал свыше 90 % всей американской нефти.

Рокфеллеру удалось договориться с железнодорожными компаниями о пониженной плате за перевозку грузов своего треста, что значительно облегчило ему конкуренцию с соперниками. А когда конкурирующие компании, чтобы спасти положение, стали сооружать трубопроводы, Рокфеллер нанимал головорезов, чтобы разрушать эти трубопроводы. Через некоторое время трест Рокфеллеров проникает в другие страны, организуя добычу и переработку нефти в Мексике, Венесуэле, Румынии.

Морганы, согласно семейным преданиям, были наследниками знаменитого корсара. В начале XX в. они основали «Стальной трест», который занял господствующее положение в черной металлургии США. Он контролировал 75 % запасов железной руды США и выпускал половину металлур-

гической продукции.

Тресты появились и в других отраслях промышленности, возникли «короли» вагонов, мясных консервов и т. д. В начале XX в. они уже давали 40 % промышленной продукции страны.

Монополии взвинчивали цены на продукцию, разоряли мелких промышленников, а все это восстанавливало против них общественное мнение страны.

Традиционной для Америки была доктрина спонтанного развития хозяйства: экономическое развитие есть свободная борьба сил, от которой государство должно стоять в стороне. Теперь же эта традиционная точка зрения встречала сильных противников, которые считали, что «непременным условием человеческого прогресса» являются государственные законы, которые должны ограничивать предпринимательскую деятельность, не допускать монополий.

Под давлением общественного мнения в 1890 г. был принят «антитрестовский» закон Шермана. Законом запрещались объединения, стеснявшие свободу конкуренции, т. е. формально запрещались монополии. Однако закон Шермана был бессилён именно против трестов. Он предусматривал меры против «сговора» нескольких фирм на рынке, т. е. был направлен против монополий низшего порядка – картелей и синдикатов, а когда эти фирмы сливались в одну, т. е. возникал трест, закон не усматривал здесь сговора, да и не мог вмешиваться во внутренние дела фирм.

После закона Шермана усиленное распространение получает новая форма монополий – холдинг-компании. Холдинг – это общество, которое держит портфель акций разных фирм, получает дивиденды и распределяет их между пайщиками. Естественно, как предприятие-акционер, холдинг-компания посылает в эти фирмы своих директоров, контролирует их деятельность. Но перед лицом закона холдинг – не монополия: общество владеет только акциями и в качестве акционера, безусловно, имеет право контролировать те фирмы, в которые вложены ее капиталы.

Неожиданностью было то, что от закона Шермана стали страдать профсоюзы. По формальному смыслу закона профсоюз – это объединение рабочих, направленное против конкуренции на рынке труда, рынке продажи рабочей силы.

Параллельно с концентрацией промышленности и образованием монополий идут концентрация банков и образование финансовых групп. К началу

Первой мировой войны во главе двух крупнейших в Америке банков стояли уже знакомые нам капиталисты Морган и Рокфеллер, и их банки контролировали третью часть национальных богатств страны. В подчинении банков находились промышленные монополии и целые отрасли промышленности.

В состав финансовой группы Морганов входили «Стальной трест», компания «Дженерал электрик», Пульмановская компания по производству вагонов, 21 железная дорога, три

страховых компании и т. д. Финансовая группа Рокфеллера была более узкой по составу – сюда входили в основном нефтяные корпорации.

Продолжало в этот период успешно развиваться и сельскохозяйственное производство. США выдвинулись на 1-е место в мире по производству и экспорту зерна, стали основным поставщиком сельскохозяйственных продуктов для Европы. Но развивалось это хозяйство неодинаково в разных районах страны.

Главный промышленный район США – промышленный Север – был одновременно районом наиболее развитого сельского хозяйства. Здесь производилось 60 % сельскохозяйственной продукции страны. Города и промышленные центры здесь предъявляли повышенный спрос на продукты питания, поэтому сельское хозяйство оказывалось очень доходным, а свободных земель уже не было, поэтому увеличивать производство можно было только путем интенсификации, т. е. повышением технического уровня и увеличением продукции с той же площади.

На бывшем рабовладельческом Юге основная часть земли осталась в собственности прежних крупных землевладельцев. Они, как правило, сдавали землю мелким арендаторам, причем нередко применялись примитивные формы аренды типа издольщины, когда арендатор должен был отдавать владельцу земли часть урожая. Естественно, технический уровень сельского хозяйства здесь был значительно ниже.

На Дальнем Западе еще продолжалась колонизация. Край был сравнительно малонаселенным, и сельское хозяйство было преимущественно экстенсивным: поскольку земли было много, фермеры не старались получить максимум продукции с площади, а увеличивали производство за счет расширения площадей.

Таким образом, не вся еще территория страны была полностью хозяйственно освоена. Продолжался процесс внутренней колонизации страны. Поэтому вывоз капитала из США был небольшим, преобладал ввоз. Если американские капиталовложения за границей к началу Первой мировой войны составляли около 3 млрд долл., то иностранные капиталовложения в США – около 6 млрд. А это значит, что США еще не очень нуждались в колониях. Тем не менее, в соответствии с общей тенденцией, в конце XIX в. США начинают колониальную экспансию. Однако колониальная политика США имела особенности, отличавшие ее от колониальной экспансии европейских стран.

Во-первых, слаборазвитые страны, потенциальные колонии, находились рядом, на своем континенте, не надо было ехать за океан. И США берут на вооружение доктрину – «Америка для американцев». Вначале эта доктрина была лозунгом борьбы народов Латинской Америки против европейского колониализма. Под этим лозунгом эти народы освобождались от колониальной зависимости. Потом, когда европейских колоний в Америке почти не осталось, смысл

доктрины изменился. США, опираясь на нее, не допускали проникновения европейских капиталов в страны Латинской Америки, резервируя их для своей колониальной деятельности.

Во-вторых, колониальная экспансия США с самого начала приобрела черты неоколониализма. США не объявляют страны Латинской Америки своими колониями. Формально они остаются суверенными государствами. Но, пользуясь экономической слабостью этих стран, капиталисты США ввозят туда свои капиталы и эксплуатируют национальные богатства. Если же правительство той или иной страны пытается выйти из-под контроля янки, США, пользуясь своим влиянием, организуют государственный переворот. Так была устроена, например, «революция» в Панаме ради захвата Панамского канала.

В-третьих, в странах Старого Света США пропагандируют принцип «открытых дверей», т. е. равных возможностей для капиталистов всех стран. США – против колониализма, они за соревнование капиталов в слаборазвитых государствах. И это позволяет им проникать в слаборазвитые страны Азии.

Литература

1. *Громыко А. Л.* Внешняя политика США: уроки и действительность 60-70-х гг. М., 1978.

2. *Джинчарадзе В. З.* Экономическая история США. М., 1973.

3. *Ефимов А. В.* Очерки истории США: от открытия Америки до окончания гражданской войны. М., 1958.

4. *Журкин В. В.* США и международный политический кризис. М., 1975.

5. *Кокошин А. А.* США в системе международных отношений 80-х годов: гегемонизм во внешней политике Вашингтона. М., 1984.

6. *Энтов Р. М.* Государственный кредит США в период империализма. М., 1967.

7. *Яковлев А. Н.* От Трумэна до Рейгана: доктрины и реальности ядерного века. М., 1984.

6. Особенности империализма Японии

Япония вступила на путь капитализма тогда, когда мир уже переходил к империализму. Поэтому японский капитализм рождался сразу в империалистической форме, приобретал черты империализма. Империализм здесь возник до завершения промышленного переворота, при сохранении многих пережитков азиатского способа производства. Поэтому японский империализм принято относить к типу военно-феодального.

В чем проявились особенности японского империализма как военно-феодального?

Во-первых, в особой форме монополий – дзайбацу. Это были не совсем монополии, потому что они возникли не в ходе конкурентной борьбы и концентрации производства, а при раздаче государственных предприятий в частные руки. Люди, имевшие хорошие связи, могли захватить целую группу предприятий. Вот такая группа предприятий в одних руках и называлась дзайбацу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.